

Олег
РОЙ

БАРСЕЛОНСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Олег Рой

Барселонская галерея

«Олег Рой»

2009

Рой О. Ю.

Барселонская галерея / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2009

ISBN 978-5-699-36635-4

Два закадычных товарища, постоянно соперничающие друг с другом, решают наконец выяснить, кто из них лидер. Для этого заключают пари. В течение трех месяцев они должны сыграть свадьбу. И не абы как, а по любви, да по взаимной! И не в обличье успешных бизнесменов, коими являлись Олег и Денис, а в роли нищих гастарбайтеров из Украины. А много ли в аэропорту Барселоны, где случайно встречаются школьные приятели, найдется девушек, которые обратят на таких внимание? И сделает ли кого-нибудь счастливым это пари?

ISBN 978-5-699-36635-4

© Рой О. Ю., 2009

© Олег Рой, 2009

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Олег Рой

Барселонская галерея

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства: «Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя. По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном – о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. Маринина

В молодости я легко ввязывался в авантюру. Более того, придумывал ее сам. Играл с судьбой, не задумываясь, что бесследно это не проходит. Однажды я заключил пари со своим другом: мол, слабо тебе жениться за три месяца, по любви, да чтобы не только ты полюбил, но и тебя. Причем, не в ипостаси удачливого парня, а нищего, но обаятельного разгильдяя. Пари было заключено. И мы с другом, находясь в постоянном соперничестве друг с другом, принялись без оглядки за воплощение замысла. Что из этого получилось? Не хочу рассказывать. А вот Олегу Рою как-то раз поведал. Думал ли я тогда, что писатель все складывает в свою копилку, из которой впоследствии твоя история воплотится либо в сценку, либо в анекдот, а то и в целый роман! То, что случилось со мной энное количество лет назад, я обнаружил в «Барселонской галерее» Роя. Ах, если бы я имел возможность прочесть эту книгу до той злополучной истории! Поступил бы я иначе? Наверное, нет... Но только предпочел бы перенести действие этого пари из реальной жизни на театральные подмостки. В театре, как и в литературе, судьба может оказаться милостивее.

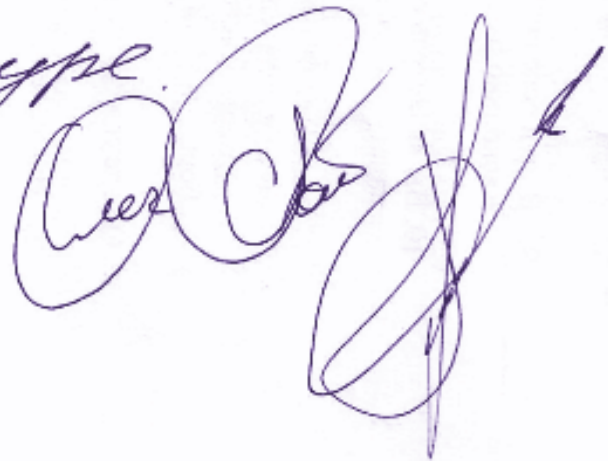
Александр Домогаров

Памяти моего сына Женечки посвящается

Дорогой читатель „ЛитРес!“

Я очень рад, что имеет
возможность обратиться
к каждому из вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

Глава 1

Гуси святой Евлалии

22 апреля 2007 года

«Ну вот и все...» Эта фраза, уже ставшая привычной, крутилась в голове Олега Игнатенко все время, пока он ехал в аэропорт Эль-Прат. Ни живописные каталонские пейзажи за окнами такси, ни чудесная погода, ни услужливость водителя уже не радовали. Все было как-то не так... Подобное чувство возникает, когда утром после вечеринки видишь на полу россыпи конфетти и обрывки серпантина: бумажки, такие же яркие и веселые, как и вчера, сегодня лишний раз напоминают, что праздник закончился.

Именно за это ощущение Олег и не любил праздники. Больше всего – Новый год. Каждый раз первого января он испытывал чувство горького разочарования. Целый месяц, а то и больше, хлопот и ожидания в один миг рассыпались в цветную пыль. Новогодняя ночь пролетала так быстро, что оставалось лишь недоумевать: стоило ли тратить так много сил и времени на подготовку? Олег решал, что, наверное, не стоило, но год от года все повторялось вновь. Он снова планировал, где и как проведет праздник, пытаясь изобрести что-то особенно интересное и необычное, снова весь декабрь, как заведенный, мотался по магазинам, долго и вдумчиво выбирая подарки. Олег всегда относился к этому делу очень добросовестно, он терпеть не мог дарить ненужные вещи, вроде вошедших в моду игрушечных символов наступающего года по восточному календарю. Во-первых, он никак не мог взять в толк, какое отношение имеют все эти аляповатые драконы и тигры с глупыми мордами к нашему, русскому Новому году, пахнущему морозом, елкой и мандаринами? А во-вторых, все знают, что подобные бессмысленные презенты будут передарены или в лучшем случае запылятся на полках и шкафах. Нет уж, если дарить – то непременно полезное, вещь, которая принесет радость и будет верой и правдой служить владельцу долгие годы. Поэтому Олег всегда покупал маме хорошую одежду, обувь или украшения (сама бы она ни за что не стала тратить деньги на такие, по ее мнению, баснословно дорогие вещи), другу Денису подыскивал оригинальную пивную кружку для коллекции, которой тот страшно гордился, а бывшей жене Оле дарил духи или комнатные цветы. Оля обожала растения... Пока они жили вместе, их дом напоминал зимний сад, круглый год где-то что-то цвело. А потом она уехала, подоконники вдруг сделались голыми, а углы, где стояли подставки и висели кашпо, сиротливо опустели. Однажды Олег не выдержал, купил какую-то пальму, привез домой, поставил на самое видное место, регулярно поливал. Но через пару недель пальма завяла.

Здесь, в Барселоне, пальмы росли прямо на улицах. Но Олег думал не о них, а о елках, о Новом годе. Почему он ждал его с таким нетерпением? Будучи уже далеко не юным и довольно солидным человеком, он каждый раз в глубине души надеялся на то, что уж в новом году...

Что именно должно случиться в грядущие двенадцать месяцев, он, пожалуй, действительно не знал. Жизнь до недавнего времени и так была вполне успешной, а вот, поди ж ты, хотелось какого-нибудь чуда. Хотелось счастья. Хотя он, как и многие, не знал, что же это такое, из чего оно складывается и с чем его едят. И было еще одно, какое-то странное, едва уловимое желание: а хорошо бы судьба меня заметила и дала мне нечто такое, чего ни у кого нет. Ну совсем-совсем ни у кого. Или только у немногих избранных счастливиц. Например, необыкновенную любовь-страсть, о которой снимают кино. Или череду невероятных совпадений, ведущих к грандиозной удаче. Или...

Все это каждый раз казалось Олегу возможным. Он мечтал и готовился. Он был в настроении и предвкушении. Но, просыпаясь первого января, чувствовал себя разочарованным. «Точно Золушка после бала», – как сказала однажды Оля, когда он поделился с ней своими

переживаниями. Тогда он возмутился такому сравнению. Взрослый мужчина, вес под сто килограмм – и вдруг Золушка. Но потом, подумав, вынужден был согласиться, только, в отличие от сказочной героини, в лохмотья превращалось не его одеяние, а его мечты и надежды. Этому не было никакого логического объяснения. Год только наступил, ничего плохого не произошло. Все хорошее впереди. Но внутри Олег отчетливо понимал: чуда не будет. Он снова обманут. Праздники кончились. Да, да, именно так. Впереди еще несколько выходных, море недоеденных салатов, любимые старые фильмы, визиты к друзьям и родственникам. Но праздник исчезал утром первого января.

И потому сейчас, в апреле, в последний день своего отпуска, прибыв в барселонский аэропорт, Олег ощущал нечто подобное: праздник кончился.

Его можно было бы понять, если бы эта поездка досталась ему с трудом. Но Олег Игнатенко не копил, вкалывая, как вол, долгими месяцами на путевку в Испанию. Он действительно был состоятельным человеком, известным в своих кругах архитектором. Шестнадцать лет назад, когда слова *фриланс* в России еще и слыхом не слыхивали, Игнатенко одним из первых начал работать самостоятельно, на договорной основе, и неплохо поднялся, проектируя квартиры и загородные дома для «новых русских». Большая часть его тогдашних клиентов не выстояла в лихие девяностые, кто-то разорился, а многие погибли, но кое-кто остался на плаву и продолжал вращаться в мире солидного капитала. Эти люди по старой памяти до сих пор обращались к Игнатенко и рекомендовали его своим друзьям. Впрочем, Олег не был снобом и не гнушался и более дешевыми заказами, которых последнее время тоже стало немало – средний класс рос на глазах.

Словом, Олег мог позволить себе отдых в хорошем отеле несколько раз в год. Более того, он работал на себя, что давало чудесную возможность распоряжаться временем по собственному усмотрению. И ничто не мешало ему продлить свое пребывание здесь. Он легко мог задержаться в Испании еще на некоторое время или улететь в Москву и вернуться, допустим, через неделю. Но не хотел. Это было бы так же бессмысленно, как убеждать себя, что Новый год можно праздновать в любой день, когда душа пожелает.

Ну, в самом деле, почему не нарядить еще одну елку, снова забить холодильник продуктами и наслаждаться?

В Питере существует даже специальный клуб, где Новый год отмечается триста шестьдесят пять ночей в году. Захотелось летом зимы, на здоровье – оплати входной билет и хоть упейся шампанским под бой курантов. Как говорится, было бы желание. В прошлом году Олег смотался туда в июле и оказался сильно разочарован. Всею свое время. Так и с отпуском. Прощай, Барселона, пора домой.

Погруженный в эти странные для апреля и Испании мысли о Новом годе, Олег почти не заметил, как прошел таможенный и паспортный контроль, как переобулся, проходя через детектор, в бахилы и потом в свою обувь. Только оказавшись у выхода к самолетам, он спохватился и проверил, положил ли на место документы. Такая уж у него была особенность – вечно боялся их потерять. Друг детства Денис считал это «мнительностью, которая портит жизнь», а бывшая жена Оля «разумной осторожностью и хорошей организованностью». Дэн был язвительным и немного резким, а Оля спокойной и доброй. Ее никогда не раздражали чужие странности и недостатки. Тем более недостатки Олега. Потому что она его любила. И он очень ее любил. И до сих пор не мог понять, почему они расстались.

Все две недели, проведенные в Барселоне, он тщетно пытался ответить себе на этот вопрос. Может быть, за этим и прилетал сюда...

Место было выбрано не случайно. Ровно одиннадцать лет назад, в середине апреля, Олег и Оля провели тут свадебное путешествие. Впрочем, свадебным это путешествие можно было назвать лишь условно. Поженились они гораздо раньше, но выехать сумели лишь весной девяносто шестого. До этого только мечтали. Сначала жаль было денег, потом не было времени, и

потому в долгожданный вояж отправились, уже имея за плечами солидный стаж совместной жизни. И ни разу не пожалели, что ждали так долго. Здесь, в барселонском раю, чувства расцвели с новой силой, супруги пережили настоящий медовый месяц.

Олег был уверен: то, что происходило тут, давно уже пережито и забыто. От их двухнедельного блаженства осталось только название.

Но, оказавшись в Барселоне, он понял, насколько был не прав. Он помнил все. И этот старый отель, и удивительный запах – смесь ароматов морского воздуха, свежих устриц, розового вина, – и узкие дорожки, по которым они неспешно бродили, сцепив мизинцы. И то, как теплый весенний ветер легко бросал ему в лицо длинные, спутанные Олины волосы. Ее волосы пахли свежестью и акварелью. Ни у какой другой женщины Олег больше не встречал этого запаха...

Он ходил прежними маршрутами и вспоминал разговоры, которые они вели. Все-все, до мелочей, словно это было вчера.

Впервые оказавшись в Барселоне, они решили начать осмотр достопримечательностей с Саграда Фамилия – собора Святого Семейства, творения знаменитого Антонио Гауди. Впечатление осталось потрясающее. Бесконечные мельчайшие детали на стенах можно было рассматривать, не отрываясь, несколько дней подряд. Тут были и райские птицы, и дивные цветы, и фантастические животные из камня. Даже морские коньки и улитки! А Оле больше всего понравилось миртовое дерево с голубями. Она несколько минут не могла отвести от него взгляд, а потом только о нем говорила.

Недавно, взглянув на тот самый барельеф, Олег испытал жгучую боль. Собор, вот он – стоит себе на месте. Каменное дерево растет из каменной стены. Каменные голуби за десять лет не повернули голов. А они с Олей уже столько всего пережили и развелись... Впрочем, она была права – дерево и впрямь удивительное. В прошлый раз он как-то не обратил на него внимания, разглядывал улиток и морских коньков...

Кажется, на третий день они, счастливые «молодожены», посетили вот эту неприметную антикварную лавочку с забавными статуэтками в витрине. Оля загляделась на старинный розовый веер с желтыми цветами, и Олег, не задумываясь, купил его. Безделушка оказалась недешевой, но ему было наплевать. Тогда ему хотелось все время делать жене подарки. Большие и маленькие, нужные и совершенно бесполезные. Его поражало, что она принимает их с таким, еще детским, восторгом и огромной благодарностью. Оле было легко доставить радость. И Олег старался.

Помнится, в результате они привезли из отпуска целый чемодан ненужных вещей. Не было разве что маленького хомяка, которого они купили на бульваре Рамбла, этом барселонском Арбате. С грызуном оказалась масса проблем. Вдруг выяснилось, что правилами не разрешается перевозка животных на борту без карантина, справок о прививках, заключения ветеринара и еще вороха каких-то документов. Пришлось вернуть зверька недовольному торговцу.

В этот приезд Олег посетил и Рамбла, и рынок Бокерия. Оказывается, даже такое неожидаемое место, как рынок, может быть дорого, если связано с лучшими воспоминаниями... Уже к концу отдыха они целый день бродили тут, среди шумной толпы, приценивались к сырам и колбасам, восхищались ассортиментом мясных и рыбных рядов, поражались обилию фруктов и овощей, многие из которых видели впервые и даже никогда не слышали их названий.

– Ты только представь, нас бы сюда лет пять назад... В начале девяностых! – веселилась Оля. – Я бы не уехала. Просила бы политического убежища прямо здесь, посреди прилавков.

Уже в день отлета они посетили собор Святой Евлалии и даже изменили себе, примкнув к группе туристов, – обычно предпочитали осматривать достопримечательности самостоятельно, ориентируясь лишь на путеводитель да на собственные впечатления. Они не прогадали: экскурсия оказалась интересной. Гид, почти юноша, с красивым, точно вырезанным из дерева, лицом, увлеченно рассказал о Евлалии – одной из самых почитаемых святых в Испании. По

преданию, мученица приняла страшную смерть от рук язычников, когда ей было четырнадцать лет. Евлалия (это имя означает «благоречивая», «изрекающая правду, добро, истину») жила неподалеку от Барселоны, именовавшейся тогда Варкиона, и была образованной, набожной и решительной девушкой. Во время гонения на христиан, устроенного римскими императорами, в город Варкион прибыл правитель Дакиан. Услышав об этом, Евлалия ночью тайно ушла из дома, долго шла и к утру была в городе. С трудом пробравшись сквозь толпу, девушка смело подошла к правителю и обличила его в том, что он принуждает людей отрекаться от Истинного Бога. Дакиан велел беспощадно пытаться святую, но она твердо переносила истязания и сказала судье, что Господь избавил ее от боли. Пытки продолжались долго, Дакиан, издеваясь, спрашивал девушку: «Где же твой Бог, которого ты призываешь?» Евлалия отвечала, что Господь рядом с нею, но Дакиан, по своей нечистоте, не может Его видеть. Потом святая вознесла молитву Всевышнему – и пламя свечей, которыми палачи жгли ее тело, перекинулось на самих мучителей. А над пожарищем взмыла в небеса белая голубка. Это была душа святой Евлалии, навсегда ставшей для христиан символом стойкости и чистоты. В память о ней в небольшом озере возле храма разводят белоснежных гусей. Эти гуси священны – если человек с чистой душой попросит их об исполнении самого сокровенного желания, то его мечты обязательно сбудутся.

Священные гуси понравились Оле больше величественной архитектуры и великолепного убранства храма. Увидев белоснежных птиц, она пришла в такой бурный восторг, что подпрыгнула и захлопала в ладоши:

– Смотри какие! Такие важные и смешные. Такие милые, прелесть просто! Подойдем поближе, я хочу их сфотографировать!

Олегу стало неловко за такую несдержанность жены в священном месте, но стоявшая рядом пожилая каталонка только улыбнулась и сказала что-то, указывая жестом на гусей. И хотя ни Олег, ни Оля не знали испанского, они сразу поняли, что местная жительница предлагает им загадать желание.

– А давай и правда попросим их об исполнении желания, – прошептала Оля, прижимаясь к плечу мужа.

– Давай. Только проси ты. У меня нет этой самой «внутренней чистоты», – рассмеялся он и тут же получил в бок слабенький удар ее кулачка.

– Перестань! Не скромничай, все у тебя есть.

– Да мне как-то и загадывать нечего, – он сам не знал, почему смутился.

– У тебя что, нет желаний?

– У меня нет, – честно признался он. – У меня и так все очень хорошо.

– И у меня сейчас все хорошо. Но ведь можно попросить на будущее.

– Откуда же мне знать, чего я захочу в будущем?

– Я тоже не знаю. Но ведь можно просить как-нибудь так: «...чтобы мое самое большое будущее желание исполнилось».

Олег расхохотался:

– Ну и практичная же ты у меня особа! Это ж надо до такого додуматься! И правда, вдруг чего захочется, не летать же каждый раз в Барселону, на поклон к великомученице Евлалии и ее гусям. Давай, проси на будущее.

– Ну и попрошу, – она говорила серьезно и немного злилась, что он сводит все к шутке.

– Давай. Только для этого в тебе должно быть ну очень много внутренней чистоты. Такое желание слишком абстрактно...

Чистота в его жене была. И доброта. И порядочность. Последней даже слишком много. Они развелись именно из-за этой ее порядочности. При воспоминании об этом до сих пор сжималось сердце.

В этот приезд Олег чуть ли не сразу отправился к собору Святой Евлалии. Озеро так же живописно отражало окружающие его деревья, небо и облака, а белоснежные гуси, бороздившие водную гладь, были так же важны и преисполнены собственного достоинства.

Олег долго стоял, глядя на них, и думал, достаточно ли в нем внутренней чистоты, чтобы священные птицы мученицы Евлалии исполнили его просьбу. Теперь у него появилось желание – он хотел быть счастливым. Хотел, чтобы у него была семья, чтобы в его жизни опять появилась любимая женщина. И еще обязательно – ребенок.

Странная все-таки штука – это самое счастье. Когда он сам был ребенком и подростком, казалось, что для счастья не хватает только материальных благ. Удобной квартиры с отдельной комнатой, чтобы можно было жить, не мешая маме, приглашать вечером друзей, читать допоздна, смотреть телевизор. Телевизора хорошего тоже не хватало, и магнитофона, и нормальной одежды, и вкусной еды вдоволь... Потому он и начал работать так рано и все силы направлял на то, чтобы зарабатывать побольше. Когда появились деньги, он счел себя абсолютно счастливым. И лишь сейчас, в сорок лет, осознал, что счастье-то не в этом. Да, он состоятельный человек, крепко стоит на ногах и может не бояться за завтрашний день. А на душе все время гадко – с того самого момента, когда они с Олей расстались.

Раньше Олег даже не предполагал, какая это, оказывается, неприятная процедура – развод. Все произошло так буднично, тоскливо, можно даже сказать, пошло, что хотелось завить. Сначала они долго заполняли какую-то дурацкую анкету и все никак не могли решить, что написать в графе: «Причина развода». Никак не получалось вместить всю их трагедию. Они пытались четко сформулировать свои мысли, но выходило или двусмысленно, или непонятно, или вовсе абсурдно.

Тогда Олег обратился к проплывавшей по коридору строгого вида тетке в сером костюме.

– Пишите: «Не сошлись характерами», – бросила та на ходу.

– Но это совсем не так! – возмутилась Оля. – Характеры тут ни при чем! Мы разводимся, потому что...

Но тетка, не дослушав ее, исчезла за одной из дверей. И они послушно вывели в анкете: «Не сошлись характерами».

А потом в кабинете точно такая же тетка, только в коричневом костюме, сурово поинтересовалась, нет ли у кого-нибудь из них сомнений. Бессмысленный вопрос. Конечно, есть! Но как об этом сказать? Что это изменит?

Он молча смотрел на тетку, на ее скучный костюм с крупными черными пуговицами и такое же, как костюм, скучное, бесстрастное лицо, и думал о том, что у всех загосовских работников, должно быть, существуют два дежурных выражения – неискренняя улыбка при бракосочетании и эта скорбная мина, предназначенная разводящимся. А может, свадьбами и разводами ведают разные дамы. Он как-то никогда не интересовался. Ему отчего-то было стыдно. Захотелось оправдаться, сказать, что это Оля так решила, а он совсем не желает расставаться с ней, не хочет ее терять... Но он промолчал.

Ровно через три месяца они снова были здесь. Отстояли небольшую очередь, и та же тетка выдала им свидетельства о разводе, такие же коричневые, как ее костюм, и приказала расписаться в получении. Они с Олей поставили подписи. Как все просто.

– И все? – тихо спросила его, теперь уже бывшая, жена.

– Все, – подтвердила тетка. В короткое слово она как-то умудрилась вместить и презрение, и осуждение, и снисходительную жалость. – А что вы удивляетесь? Имущественных претензий вы друг к другу не имеете. А детей у вас нет.

«Детей у вас нет». В этом-то и была вся проблема. Из почти двадцати лет их брака половина времени была посвящена борьбе с Олиным бесплодием. Отсутствие малыша сначала воспринималось как временное явление, они не спешили. Потом оба как-то незаметно стали считать это проблемой, но проблемой решаемой. Пока не получается, ну что же, значит, момент

неудачный. Надо подождать удачного, ну в крайнем случае сходить к врачу. Он даст дельный совет, порекомендует какое-нибудь лекарство – и все будет хорошо.

Но время шло, а удачный момент никак не наступал. И никаких чудодейственных лекарств у врачей не оказалось. Олю, а затем и Олега отправляли делать многочисленные анализы и проходить всевозможные диагностики. И выяснилось, что у него все в порядке. А с Олей все было сложнее. С медицинской точки зрения, дети у Ольги Игнатенко вполне могли бы быть. Но их не было.

Когда стало ясно, что ни консультации врачей, ни дорогостоящие лечения не помогут, Оля стала посещать народных целителей. Нетрадиционная медицина обошлась еще дороже, но также не принесла никаких результатов.

Отсутствие детей превратилось в нерешаемую проблему, и вскоре вопрос беременности стал для Оли трагедией и навязчивой идеей. Нет, она не говорила о ребенке сутки напролет, не забросила работу и не растеряла друзей, но от нее постоянно исходило такое отчаяние, что даже находиться рядом было тошно. Оля перестала смеяться, почти не улыбалась, не воспринимала шуток, не поддерживала веселых разговоров. Плечи ее теперь всегда были опущены, а лицо все время сохраняло выражение вины и скорби. Даже во сне. И Олег не выдержал. Раньше он работал дома, но теперь снял небольшую квартирку под офис – якобы так удобнее. Ему было стыдно, казалось, что он совершает предательство. Каждый раз Олег обещал себе, что с завтрашнего дня все будет иначе, освободившись, он сразу же поедет домой, и они с Олей проведут чудесный вечер. Но сегодня нужно немного отвлечься. И если не было работы, он все равно до двух часов ночи сидел в офисе, гоня по экрану монитора чудовищ. Иногда ехал в бар или ресторан. Всегда в одиночестве и с отвратительным настроением.

Позже он понял, что не просто избегает чувства отчаяния, которым пропитался дом. Он тайне надеялся, что Оля заметит, как тяжело им рядом, и сделает правильные выводы – осознает, что теряет его, встряхнется, посмотрит на ситуацию «как взрослый человек» и «перестанет убиваться о том, чего нельзя исправить». Вот ведь он, Олег, тоже мечтал о наследниках, но сумел принять происходящее как данность. Многие пары так живут, и ничего, вполне довольны. В конце концов, в этом тоже есть свои преимущества. Не надо ни о ком заботиться, чувствовать себя кому-то должным. Можно спокойно ездить в отпуск и уходить из дома по вечерам, не задумываясь, с кем оставить ребенка. Никаких бессонных ночей, памперсов, свинок и скарлатин, ссадин на коленках, двоек и вызовов в школу. Опять же, еще неизвестно, какими они вырастут, твои дети... Но Оля не желала ничего слушать.

На рабочем столе Олега стояла фотография в рамке: худенькая счастливая девушка хохочет от души. Минуту назад у нее сломался каблук, и она стоит на одной ножке, держась за ограду. Он еще помнил свою жену такой. И мечтал, что однажды вечером придет домой и увидит в любимых глазах то самое выражение с фотографии: «Жизнь продолжается, и я буду смеяться, несмотря ни на что».

Но надежды не оправдались. Выражение Олиных глаз становилось все более затравленным и виноватым. Жена действительно заметила перемену в нем, но вместо того, чтобы «встряхнуться и перестать», впала в депрессию, она начала сутулиться, казалось, даже сделалась ниже ростом. Для них стало в порядке вещей провести вечер, не перекинувшись и парой слов. И однажды Оля огорошила его неожиданным разговором.

Это был один из тех страшных дней в жизни Олега, которые он именовал про себя «дни посещения врача». Оля считала их чуть ли не судьбоносными. В преддверии похода в центр репродукции она ставила в церкви свечи, затевала генеральную уборку, настроение ее менялось каждые полчаса. Накануне она не спала и не давала спать мужу, рассказывая, что «на этот раз интуиция точно не подведет, и у них будет ребенок». Она считала, что Олег непременно должен сопровождать ее к доктору. А ему все тяжелее и тяжелее становилось видеть, с каким похоронным видом жена выходит из кабинета. Его это корбило, как и то, что каждый раз он

обязан был вместе с ней изображать скорбь, которой не испытывал. Да, он хотел ребенка, но не понимал, почему их жизнь должна закончиться, если попытка завести наследника не увенчается успехом.

Тогда, третьего февраля, после очередного неудачного похода в клинику, Олег планировал отвести жену домой, выдать дежурную порцию переживаний, а после этого отбыть в офис. Последнее время, находясь дома, он не чувствовал ничего, кроме глухого раздражения. Но сегодня все вышло по-другому. Оля не казалась ни подавленной, ни виноватой. Она выглядела совершенно спокойной. На улице было хорошо. После долгой слякоти ударил наконец легкий морозец. Ночью выпал снег, а с утра вместо низких серых туч засияло яркое зимнее солнце.

– Давай пройдемся, – неожиданно для самого себя предложил Олег.

– Давай, – кивнула Оля. И улыбнулась.

Он чуть не расплакался от счастья. Так давно не видел эту улыбку, и так ему ее не хватало.

Какое-то время шли молча, а потом, как выстрел, прозвучал тот судьбоносный вопрос:

– Олежка, давай разведемся?

От неожиданности Олег остановился. Его не столько поразили ее слова, сколько интонация. Она сказала это так буднично и уверенно, что сразу стало ясно – его жена все уже решила.

– Как хочешь, – обалдело ответил он, не выпуская ее руки. И потом бессонными ночами часто корил себя за это малодушное послушание.

– Прямо сейчас, – потребовала Оля.

Олег кивнул. Глупо, конечно, но в тот момент он думал только о том, что не знает, как поступить с ее ладонью – продолжать держать или отпустить. Он стоял и напряженно размышлял именно об этом, как будто подобный пустяк имел теперь значение.

– Я так и знала, – в ее голосе не было упрека. Она действительно все уже решила.

Олег наконец очнулся:

– Оля, ну зачем? Ну, не усложняй все. Пожалуйста. Мне с тобой, такой, трудно. Бог с ним, с ребенком. Мне нужна ты. Только не такая, как сейчас, а такая, как раньше. Вспомни.

Он говорил что-то еще. Не столько уговаривая ее остаться, сколько высказывая наболевшее. Она слушала, не перебивая. В этом молчании было нечто нехорошее. Хуже истерик.

– Говоришь, «бог с ним, с ребенком»? – медленно повторила она наконец. – Олежка, пойми, люди меняются. У них меняются желания и приоритеты. А жизнь такая коротенькая. Ты говоришь, что остаешься со мной не из жалости, не из чувства долга. Я тебе верю. Сейчас. Но я же знаю, как ты любишь детей... А что, если лет через десять тебе больше жизни захочется ребенка? В тебе проснется что-то такое, инстинктивное, что не глушится голосом разума. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я несколько раз наблюдала в жизни такие ситуации... А времени уже не будет. Или здоровья. Или возможности. Кто знает, что там дальше? А может, все сложится иначе... Может, ты влюбишься так, что тебе будет плевать на все, и твое чувство долга в таком случае не помощник. А она забеременеет. И что ты будешь делать? Сейчас я еще выдержу развод, а потом... Не хочу быть эгоисткой.

– Я все равно останусь с тобой. Черт возьми, есть же еще...

– Знаю. Есть еще друзья и близкие. Работа и отдых. А главное – чувство долга и спокойная совесть. Но желание – это совсем другое, Олежка. Тем более замешенное на инстинктах. Ну, будешь ты ему противостоять. Я даже верю, что ты это сделаешь. И даже верю, что сможешь быть относительно счастливым. Но как жить мне? Я все время буду мучиться, что не дала тебе всего, что ты заслуживаешь. Что из-за меня ты не исполнил своего предназначения. Нет, милый, я не могу. Не хочу. Это моя беда. Если б она была наша, общая, тогда другое дело.

– Оля, ты бредишь. Ты как будто вызубрила какую-то роль и пытаешься ее сейчас передо мной разыграть. Люди женятся именно для того, чтобы любая беда и любая радость становились общими. Мы пройдем через это вместе. Мы доживем до старости. Мы...

– Это *ты* сейчас играешь роль, – перебила она решительно. – И говоришь то, что по сценарию должен сказать в такой ситуации положительный персонаж. Но актер из тебя неважный. Не надо идти наперекор самому себе.

На другой же день они отправились в ЗАГС...

Сразу после подачи заявления о разводе Оля съехала от него со всеми своими цветами и безделушками. Вернулась к родителям. Напрасно Олег уверял, что это *он* должен уехать, жена слушать не стала. И симпатичная двушка на Мичуринском проспекте, которую они в начале девяностых получили взамен комнаты при расселении коммуналки, стала его собственностью.

Он ехал домой и вспоминал, как в гостиной на полу, на бежевом ковре, уютно подогнув под себя ноги, сидела Оля в его любимой длинной юбке в мелкий цветочек. Ее каштановые волосы, обычно распущенные, были небрежно сколоты на затылке заколкой-«крабом». Вокруг царил ужасный беспорядок: разбросанные карандаши и фломастеры, открытые краски, банки с водой, в которых плавают кисточки... И повсюду пятна краски, часть которых не удалось отмыть до сих пор.

Последние несколько лет перед разводом Оля стала работать на дому. Она иллюстрировала детские книжки и так погружалась в свое занятие, что иногда даже не замечала его прихода. Олегу нравилось стоять в дверях и слушать, как она бормочет про себя монологи, которые придумывает на ходу для своих рисованных персонажей. Это было так забавно, что иногда он не мог удержаться от смеха и весело фыркал. Оля вздрагивала, роняла кисти, ворчала, что он мешает творческому процессу. Затем бросалась к нему обниматься. Он прижимал ее к себе, нежно целовал в макушку, а ее волосы пахли акварелью...

– Ты у меня просто прелесть, – говорил он вечером, лежа в постели. – Тебе нужно самой писать книги. Я слышал, как ты говорила за пенек, на котором сидела Маша. Это ж шедевр, Оля! Ты не только художник, ты сказочник. Это талант. Ты как Андерсен. На это способен далеко не каждый. Так что насчет писательства подумай. Опять же, самой иллюстрировать свои книги куда интереснее.

Она только смеялась в ответ:

– Знаешь, я обязательно должна придумать жизнь и характер всему, что рисую. Даже тому же пеньку. Он ведь тоже что-то думает, чувствует. Не смотри на меня так удивленно. Неужели, ты думаешь, можно жить на этой земле и ничего не испытывать? Полно, милый, так не бывает. Конечно, предметы чувствуют не так, как мы, но чувствуют.

– И переживают? – его забавлял этот разговор.

– Да.

– И мечтают?

– Ну да!

Олега так трогала, так умиляла эта серьезность...

– И влюбляются?

– Разумеется! Ведь часто так бывает, что вещь, как говорят, приросла к семье. Как наши кухонные часы, например, или как тумбочка для обуви в прихожей. Наверняка она нас любит так же, как мы ее. Сам подумай, и поймешь.

– Подумал. И решил согласиться, – говорил он. Снова с наслаждением вдыхал легкий запах, исходивший от ее волос, и привлекал ее к себе...

Теперь, когда они развелись, ему страшно не хватало таких вечеров, этих разговоров и того запаха.

Олег начал задумываться над тем, чтобы заново сделать ей предложение и жить как раньше. Как вначале. Ему казалось логичным, что, женившись на Оле снова, он даст ей понять: она – самое главное в его жизни. И тогда у нее обязательно исчезнут дурацкие комплексы, связанные с бесплодием. И это вечно подавленное настроение. И ненужное чувство вины.

Он даже купил шикарное кольцо и стал планировать, как сделать все наиболее романтично. Как выбрать такое место и время – и как найти такие слова, чтобы она уж точно не могла ему отказать.

Он думал неделю, две, три, пока не поймал себя на том, что размышляет вовсе не о том, а все время прокручивает у себя в голове тот их последний разговор на февральской улице...

Сейчас, спустя два года после развода, Олег Игнатенко неожиданно для себя вдруг понял, что ужасно хочет ребенка. В нем и правда проснулось «что-то такое, неведомое, не глушимое разумом». Он все еще любил бывшую жену, любил страстно, искренно и нежно. Но при этом до дрожи, до боли в сердце хотелось нормальную семью. Ребенка. Маленькое, близкое, родное существо. Которое будет у него на глазах расти, развиваться, умнеть, превращаться из очаровательного карапуза во взрослого, но такого же близкого человека...

В конце концов Олег решил отправиться в Барселону и там еще раз все хорошенько обдумать. И, пожалуй, достиг того, чего хотел. И даже большего. Потому что было испанское солнце, испанское море, воздух, запах и бесценные воспоминания. Был отдых от надоевшей зимы, от напряженной работы, от вынужденного одиночества. И еще – эти две недели его не покидало ощущение праздника. И смутной надежды на чудо. Прямо как в детстве.

По радио снова объявили задержку рейса: два часа. Интересно, что у них там такое? Может, Москва не принимает из-за плохой погоды? Опять забастовало вечно каменное московское небо... Здесь, в Испании, в такой яркий, солнечный день трудно было даже представить, что где-то холодно или идет дождь... Нет, скорее всего, самолет опаздывает. Или горячее не успели залить. Впрочем, это даже хорошо. Олег точно знал: пока он не сядет в самолет, праздник не кончится. А раз так, может, и произойдет еще что-нибудь чудесное...

«Жизнь продолжается, – сказал он самому себе. – Да, с Олей у нас не сложилось, пора это признать и смириться. Но это еще не конец. Сорок лет – не старость. На Западе обзаводятся семьей как раз в этом возрасте, когда уже встали на ноги и избавились от заблуждений молодости... И я еще буду счастлив. Я еще встречу женщину, которую полюблю и которая полюбит меня, мы поженимся, и у нас будет ребенок...»

Он поднял голову и увидел в руках у проходившей миниатюрной девушки пакет, на котором были изображены гуси святой Евлалии. Вдруг очень захотелось увидеть в этом добрый знак, предзнаменование чего-то хорошего.

Глава 2

Без женщин жить нельзя на свете, нет

22 апреля 2007 года

Перед отъездом из Барселоны Денису всегда было грустно. Настолько грустно, что не радовали даже идущие навстречу красивые женщины. Для такого ценителя дамских прелестей, как Дэн Вербовский, это было необычайно странно. Ибо прекрасный пол не переставал интересоваться никогда. Даже лежа в больнице с температурой за сорок и тяжелейшим осложнением после пневмонии, он умудрился закрутить сногсшибательный роман с медсестрой. Само собой, роман этот закончился в день выписки, оставив его участникам только приятные воспоминания. Денис умел расставаться с женщинами так, чтобы они потом ничего от него не требовали. Как говорилось в каком-то фильме: завоевать женщину не сложно, расстаться с ней – целое искусство.

Столь важное в жизни любого мужчины умение досталось ему от отца. Тот всю свою сознательную жизнь был бабником. Впрочем, сказать, что был при этом неверным мужем, было нельзя. Овдовел Георгий Борисович еще молодым мужчиной. Денису было восемь месяцев, когда мама скончалась.

Второй раз Вербовский-старший так и не женился. Впрочем, совсем не потому, что для него были святы воспоминания о первой жене. И не потому, что не хотел приводить чужую женщину в дом, где растет его маленький сын. Это были официальные версии. Но существовала еще и «неофициальная» правда – Георгию Борисовичу нравилось быть свободным, принадлежать не одной-единственной, а всей прекрасной половине человечества сразу. Он обожал, почти боготворил женщин. Всех на свете: блондинок и брюнеток, шатенок и рыжих, натуральных и крашенных, худышек и толстушек, умниц и дурочек, молоденьких и зрелых. Для Дениса так и осталось загадкой, что вообще сподвигло его отца жениться на маме. Судя по сохранившимся фотографиям, она была миловидной, судя по рассказам дедушек и бабушек – приятной женщиной с легким характером. Но такого набора было мало, чтобы ради него Георгий Вербовский добровольно надел себе на шею хомут. Потомок этого труднообъяснимого союза был убежден – что бы ни произошло в жизни папы, на повторный брак тот не решится никогда.

Насчет себя Денис был не так уверен. Жениться ему даже хотелось. Иногда. Почему бы и нет? Женатый мужчина выглядит как-то солиднее. Опять же, хорошая жена – это обеспеченный тыл. Он не задавался вопросом, будет ли обманывать супругу. Для него как-то само собой разумелось, что если уж он решится на столь важный шаг, то выберет очень умную и самостоятельную спутницу, которая не то что не будет против его походов, а добровольно будет закрывать на них глаза, трезво оценивая ситуацию. И чтоб без лишних ссор и негативных эмоций. В конце концов, брак – это совместный проект. Как в бизнесе. Партнеры создают что-то вместе и стараются делать это хорошо. И никто из них не вправе требовать полной и пожизненной гарантии.

Отчего-то Денис не сомневался, что женщин с подобной установкой немало. И то, что они ему пока не попадались, его совершенно не смущало. Он знал, чего хочет. А когда человек это знает, он застрахован от лишних переживаний и неудач. Не совсем, конечно, но в большей степени – в отличие от тех, кто идет на поводу у чувств и женится по любви. Вроде его школьного друга Олежки Игнатенко.

И что с его любовью стало? Разбилась о первую же неожиданность. Не сразу, правда, через много счастливых лет, но ведь итог-то все равно плачевный. Олька оказалась бесплодной и на этой почве испортила всю семейную жизнь. Сначала сама чуть не свихнулась, потом достала мужа так, что он согласился на развод. Развелись, оба страдают, проблема не реши-

лась, только новые добавились. Кому нужен такой брак? Только не ему. Его союз с практичной и разумной женщиной будет гармоничным от начала и до конца. Дэн Вербовский свято в это верил.

И почему это он, интересно, в последнее время так часто вспоминает Олежку? Не хватает ему его, что ли? Они не виделись и не слышались уже месяца два. Можно сказать, рекордный срок. А всему виной то, что с Игнатенко стало трудно общаться. Он и раньше-то был весь в себе, а теперь и подавно. И совершенно непонятно, чем это вызвано. Неужели продолжает страдать из-за развода, вместо того чтобы вдохнуть полной грудью, оглянуться по сторонам, увидеть, что мир полон прекрасных дам? Хотя для таких, как Олежка, похоже, существует на свете только одна любовь – первая. Игнатенко идеалист, мечтатель и неисправимый романтик. Так думал Дэн, искренне считавший себя циником и реалистом.

Последнюю неделю Денис провел в Барселоне, устроил себе что-то вроде маленького отпуска. Он и предположить не мог, что закадычный друг все это время находился рядом. Впрочем, если бы Дэн встретил Олега на какой-нибудь из узких мощеных улочек каталонской столицы, он бы скорее огорчился. Искрометный, общительный и неутомимый в Москве, здесь Денис Вербовский становился абсолютно другим – философом и созерцателем, ценящим уединение. Эта странная перемена происходила каждый раз, когда он сюда приезжал.

Денис знал, что в Барселону нужно ездить сейчас, в конце апреля. Потом будет поздно. Еще несколько дней – и толпы безумных, галдящих туристов заполнят пляжи и набережные, кафе и бульвары. Они не понимают этот город, не любят его всем сердцем, не считают его лучшим уголком на Земле. Они просто отдыхают. Им не понять, что такое ранним утром, когда чинные барселонские старики рассаживаются в плетеные кресла в предвкушении чтения свежей газеты, когда запах свежемолотого кофе, доносящийся из кафе, еще не смешивается с запахом потных тел, спуститься по Рамбла к морю, на безлюдный пляж и, заняв место поудобнее, неторопливо наблюдать, как восходит солнце... Потом можно постоять немного, глядя на чистейшее морское дно, где резвятся маленькие яркие рыбешки, а затем медленно двинуться обратно. Мимо «живых фигур», неспешно и тщательно раскрашивающих тела и лица; мимо жонглеров, лениво болтающих с загорелыми официантками, и художников, вдохновенно рождающих свои нехитрые, но такие радостные и полные жизни картинки. Нигде в мире нет такого удивительного сочетания умиротворения и пьянящего ощущения постоянного движения, как здесь, в Барселоне.

Такие утренние прогулки существуют только для *своих*. Денис, естественно, причислял к этой категории и себя. И если вдруг во время утреннего променада на глаза попадались случайные туристы (о, он сразу отличал их), возникало раздражение.

«Вот ведь нейметса им, – с неприязнью думал Денис. – Нет, чтоб выспаться, потом спокойно позавтракать в отеле... И чего в такую рань переться на набережную? Не иначе, места занимать, а то потом не хватит. Одно слово – совок. Руссо туристо...»

Сам Денис никогда не считал себя туристом. Он искренне любил этот город. Гораздо больше, чем Москву, в которой родился и прожил всю жизнь. Первопрестольную он до сих пор как следует не изучил, ориентировался в ней, кроме знакомых районов, не очень уверенно, а в некоторых местах, вроде Бирюлева или Печатников, за сорок лет не удосужился побывать. С Барселоной все было иначе. Тут Денис знал чуть ли не каждую улочку и каждое здание. Он выучил историю города так досконально, что мог водить экскурсии, познакомился со многими местными жителями – продавцами, официантами, художниками. Ну и какой же он после этого турист?

Его роман с городом начался давным-давно, когда Дэн был совсем еще мальчишкой, и тоже – благодаря отцу. Георгий Борисович долгие годы работал дирижером в музыкальном театре, почему-то носящем имена Станиславского и Немировича-Данченко, хотя, как известно, оба этих театральных деятеля не имели ничего общего ни с оперой, ни с балетом.

Тем не менее театр функционировал вполне успешно и выезжал на зарубежные гастроли. В восемьдесят шестом труппа отправилась в Испанию, и Георгий Борисович взял собой сына. Денис до сих пор не знал, каких трудов стоило отцу выбить для него поездку. В стране уже началась перестройка, но до поднятия железного занавеса оставалось еще несколько лет. То, что чувствовал советский гражданин, оказываясь за кордоном, не поддавалось описанию. Многие сходили с ума от одних магазинов. Денис же к огромному ассортименту товаров остался равнодушен. Ну, почти. Отметил, конечно, что, мол, здорово, нам бы так, но ни в эйфорию, ни в меланхолию впадать не стал. Он всегда умел отделять главное от малозначимого.

Вот барселонские улочки – это да. Каталонцы – это восторг. Какие живые, радостные, неусталые лица, какая пластика в каждом движении, какое гостеприимство и раскрепощенность! Дэн смутно догадывался, что его соотечественникам такое не светит, даже если все рынки и магазины с ломящимися от невиданных яств и шмоток прилавками, как по шучьему велению, перенесутся вдруг в Москву, Ленинград или Свердловск.

За двадцать лет родная страна изменилась, словно за два столетия, а здесь, на теплом берегу, почти все осталось по-прежнему. За исключением некоторых незначительных мелочей и толп российских туристов – шумных, бесцеремонных и неряшливых. Так что летом тут стало находиться просто невозможно. Сплошной стресс для нервной системы. Денис прилетал сюда зимой, поздней осенью и в апреле. В апреле обязательно. Барселона в апреле – это рай. Настроение повышается настолько, что можно даже стерпеть туристов. Особенно туристок. Роман на курорте – вдвойне приятный роман. Денис давно понял эту истину и неоднократно проверял ее на практике.

На этот раз у него завязались амурные отношения с молоденькой продавщицей из «Edro Morago», магазина модной мужской одежды. Она была чудо как хороша, имела мужа (а это, как известно, большой плюс для любовницы) и даже немного знала русский язык. Ее словарного запаса было достаточно, чтобы шептать милые неприличности во время любовных игр, а вот для выяснения отношений речевых оборотов не хватало. Неделя прошла сказочно. Отдых получился великолепный. Впрочем, на этот раз Дэн не только отдыхал, но и решал дела с покупкой скромной недвижимости в любимом уголке земного шара. Сделка завершилась успешно, симпатичная квартира с двумя спальнями, гостиной, террасой и шикарным видом на море была приобретена всего за полмиллиона евро.

«А я неплохо выгляжу, – думал Денис, рассматривая себя боковым зрением в какой-то витрине, – отпуск пошел на пользу. До чего ж неохота улетать!.. Но пора, пора... Скоро майские праздники, и сюда вот-вот ломанутся толпы соотечественников... Волосы уже отросли, пора подстричься... А может, и не стоит. Всегда приятно осознавать, что перед тобой не устоит ни один человек противоположного пола».

Дэн Вербовский не был циничным коллекционером, для которого главное доказательство своей мужественности – это огромное количество женщин, прошедших через его постель. Не был он также и гениальным любовником, донжуаном по призванию, вроде тех, кто искренне влюбляется в каждую женщину и способен силой своего чувства и темперамента превратить серую мышку в королеву. Таким скорее был его отец.

Дэн искал свою половинку. Планка его притязаний поднималась с каждым годом. Может, это было нежизненно и неразумно, но компромиссов Денис не любил.

Друг Олежка частенько подшучивал над ним:

– Смотри, Дэн, не увлекайся так, а то чем больше у тебя становится седых волос, тем большими совершенствами должен обладать твой идеал. Так ведь и будешь сидеть беззубый в инвалидном кресле и мечтать о Мисс Вселенной.

– Нет, братец, это ты будешь мечтать, – парировал в ответ Дэн. – А я найду наконец то, что мне нужно, и получу это.

Он верил, что когда-нибудь так и будет. И Олежка в него верил, и его отец, да и все остальные. Потому что, глядя на Дениса Вербовского, не верить было невозможно.

Правда, про седые волосы друг детства упоминал не для красного словца. Дэн, как и его отец, седесть начал довольно рано. Но это его не портило, скорее наоборот – придавало ему дополнительное очарование в глазах прекрасного пола.

В Москве Дениса ждали четыре комнаты на Большой Бронной и такое же количество подруг: женщина-вамп Лола (любовница с двухмесячным стажем), юная красотка Полина (потенциальная), Белла (периодическая) и «женщина на все времена» Алла. Только сейчас он заметил, что в именах всех его дам есть буква «л», и улыбнулся этому забавному совпадению.

И еще его ждала работа. Как и Олег, Дэн работал много и успешно. И был сам себе хозяин. Но если другу просто повезло – он, как говорится, оказался в нужном месте в нужное время, то Денис добивался возможности работать на себя долго и упорно. Он был своенравен, честолюбив и эгоистичен: весьма взрывоопасная смесь для подчиненного, да и для начальника, если он госслужащий, а не владелец собственной компании. Но, на счастье, и у нас теперь есть возможность вести собственный бизнес. Много вкальываешь, но и живешь по-человечески.

Денис занимался лифтами и эскалаторами. Сразу после строительного института он попал по распределению на «Мослифт» и сумел обзавестись там не только нужными знаниями и опытом, но и полезными знакомствами. Через несколько лет Денис уже занимал хорошую должность в представительстве «ОТИС», а в середине девяностых возглавил собственную фирму и освоил не только торговлю импортом, но и производство. Как ни странно, дела пошли в гору после кризиса девяносто восьмого года. Компания Дениса сумела удержаться в лидерах. К олигархам Дэн себя не относил, но считался человеком вполне состоятельным. И был бы вполне доволен жизнью, если б не конфликты с отцом на почве профессиональных интересов. Георгий Борисович был твердо уверен в том, что бизнес – это сплошной обман и криминал. А его сын искренне не понимал, что может быть привлекательного в профессии дирижера.

Как многие родители, Георгий Борисович мечтал, что сын станет его преемником, продолжит династию дирижеров Вербовских или, в крайнем случае, станет великим музыкантом. Поэтому Дэна, что называется, с молодых ногтей приобщали к прекрасному, учили слушать и понимать музыку, играть на фортепиано, водили на симфонические концерты, на оперы и балеты в театр. А маленький Дениска никак не мог взять в толк, для чего музыкантам, у каждого из которых перед глазами ноты, нужен этот отвлекающий фактор в виде человека в черном фраке и белой накрахмаленной рубашке, машущего перед ними палочкой. Отец не раз доказывал ему необходимость своего дела. Но упрямый сын верил только в свои ощущения. И про себя обобщал все объяснения одним коротким словом «туфта».

Старший Вербовский считал свою специальность не просто нужной, но и «волшебной», «магической», «мистической», и что-то еще в таком же роде. Более того, он был уверен, что именно своей профессии обязан успехом у женщин. Денису же это казалось смешным. Он терпеливо выслушивал пылкие рассуждения Георгия Борисовича об особом, отдельном мирке оркестровой ямы, о тончайших энергетических нитях, которые возникают между людьми, творящими музыку, о нюансах психологического настроения, благодаря которым концерты бывают удачными и провальными, о положительных зарядах, которые идут от дирижера к оркестру, потом к залу и возвращаются в десятикратном размере, и прочем в том же духе, но был уверен, что все это ненужная лирика и излишняя чувствительность, мешающая жить. Как ни старались отец и обе бабушки, музыкальное воспитание не принесло своих плодов, скорее наоборот. У Дениса выработалось не то чтобы отвращение к классической музыке, а, как бы это выразиться, активное сопротивление ей. Он честно отучился несколько лет в музыкальной школе, но потом, при первой возможности, переметнулся в секцию футбола. И окончательно понял, что высокое искусство – не для него. Вот старый добрый рок-н-ролл, современное кино или хай-тек – это пожалуйста. А фуги Баха или симфонии Шнитке – нет уж, увольте. Это без меня.

Как и поэзия Рембо, картины Пикассо и прочие изыски для эстетов. Сейчас, прогуливаясь по набережной, Дэн бросил прощальный взгляд на собор Святого Семейства и мысленно пожал плечами. И что люди в нем находят? Почему считают шедевром всех этих каменных птиц, зверей, эти «цветущие» деревья и кусты? Монументально, спору нет. Но красиво ли? Лично у него весь этот зоопарк вызывал легкое отвращение. На его взгляд, скульптуры выполнены слишком помпезно, словно мертвое претендовало на звание живого. Хотя отец, конечно, считал иначе.

В последние годы Денис и Георгий Борисович все больше отдалялись друг от друга. Не ссорились, просто виделись очень редко, общаясь преимущественно по телефону. Да и когда было видеться? В театр к отцу Дэн не ездил, тот к нему в офис – тем более. А жили теперь далеко друг от друга. Лет десять назад, когда стало модным селиться за городом, Денис тоже решил обзавестись собственным «имением», тем более что для этого были все основания – волею судьбы дача отцовских родителей находилась не где-нибудь, а в поселке Раздоры, рядом с Рублевским шоссе. В советские времена, разумеется, никто и не предполагал, насколько престижным станет этот район – люди просто стремились иметь дачи недалеко от города и в красивой местности. Зато теперь у Дениса были все основания гордо заявлять: «Я вырос на Рублевке».

В конце девяностых Вербовским удалось выгодно прикупить пару участков, примыкавших к их даче, и в итоге, после нескольких лет строительства, они стали владельцами симпатичного коттеджа, окруженного садом в английском стиле. Дэн пробовал жить в Раздорах, но ему быстро надоело тратить время на поездку в Москву и обратно. И он вернулся в квартиру на Бронной, а Георгий Борисович остался в загородном доме и не на шутку увлекся «сельской жизнью», как это называл Денис. Сын навещал его. Но не слишком часто. Все как-то было некогда – то работа, то личная жизнь, то другие дела, вот, например, покупка квартиры в Барселоне.

Дэн позавтракал в маленьком ресторанчике, вернулся в гостиничный номер, поглядел в зеркало, погладил ладонью вчерашнюю щетину. Бриться или нет? Пожалуй, нет. Так тоже обаятельно, да и времени уже в обрез. Сполоснулся под холодным душем, переделся в джинсы и бежевый пуловер и, подойдя к бару, плеснул в пузатый бокал немного коньяка – на посошок. Потом взял собранную сумку и бросил прощальный взгляд на комнату. Теперь он приедет в Барселону в октябре или начале ноября. И будет жить не в отеле, а в собственной квартире. А его любимый номер займет кто-то другой. И это стало неприятно.

По дороге в аэропорт Дэн решал, кому из своих подруг он позвонит сегодня. На всех времени не хватит. Дома он окажется только к вечеру. Разговор с четырьмя дамами сердца сразу – слишком большая нагрузка для организма, утомленного перелетом и путешествием из Шереметьева в Центр через многочисленные пробки.

Белла исключалась сразу. Хотя жаль – Дэну она очень нравилась. Смуглая, тоненькая, с какими-то то ли восточными, то ли кавказскими кровями, Белла была модным фотографом, ее снимки постоянно мелькали на страницах популярных журналов, не только глянцевого, но и серьезного. Дэну Белла казалась воплощением представлений о современной женщине. Она появлялась в его жизни, только когда сама этого хотела. Звонила, назначала время встречи, приезжала, проводила с ним бурную ночь или несколько часов днем и снова исчезала – может быть, на неделю, а, случалось, и на пару месяцев.

Они познакомились во время фотосессии, когда пиарщики Вербовского организовали ему очередное мини-интервью в известном деловом журнале. Ради единственного (правда, действительно очень удачного снимка) Белла мучила Дэна почти полтора часа. Он не терял этого времени даром, флиртовал с ней, она в ответ неопределенно улыбалась. А через неделю, когда он уже забыл и об интервью, и о фотографe, вдруг позвонила около полуночи на мобильный и сообщила, что готова встретиться с ним прямо сейчас.

С ней было удивительно легко. Белла не требовала ни выводов в свет, ни подарков, ни обещаний, ни нежных слов. И даже не обижалась, если он не мог встретиться с ней в назначенное время. Правда, Денис старался, чтобы такое случилось как можно реже – он дорожил ею: и как любовницей, и как собеседником. И прежде всего хотел бы по возвращении позвонить ей. Но знал, что это ни к чему не приведет – девушка или вовсе не возьмет трубку, или отделается парой торопливых слов на тему «извини, я занята». Как уже случалось неоднократно...

С Лолой все иначе. Вот уж кто обязательно ответит на звонок и затянет беседу надолго! Разговор с Лолой сведется к ее намекам на то, как хорошо и весело жилось в его отсутствие, как все из-за нее передрались, как ее приглашали в дорожные кабаки, заваливали цветами и подарками, а очередной воздыхатель ползал на коленях, добиваясь поцелуя. И если бы Дэн задержался еще на пару дней... Все это будет сказано не «в лоб», а тонко, как бы нехотя. И не для того, чтобы вызвать в нем ревность, боже упаси! Это к тому, чтобы он, олух, понял, какой драгоценный бриллиант ему попался. Кто бы спорил! Лола великолепна, очаровательна, искрометна. С ней невозможно грустить, потому что она все время улыбается. Улыбка у Лолы необыкновенная. В этой женщине столько жизни, столько сил, столько драйва, что, находясь рядом, невольно заряжаешься энергией и чувствуешь себя розовым зайчиком с батареей в спине. Поклонников у Лолы действительно море, но она очень осторожна, выбирает только самых богатых и только тех, с кем не будет проблем. И, разумеется, перспективных. Лоле уже под тридцать, а это значит, что, как ни набивай себе цену, но уже пора замуж... Дэн как кандидат в мужья Лолу устраивал, но сам он не разделял ее стремления вступить с ним в законный брак. Как-то не верилось, что из светской львицы и покорительницы мужчин она мгновенно превратится в мудрую и рассудительную супругу... Нет, пожалуй, Лолу можно оставить на завтра.

Полинке всего двадцать один год, по возрасту – ребенок, но целеустремленности хватит на нескольких взрослых. Однажды она забежала в офис его фирмы, к своей подруге, и случайно увидела Дэна. С тех пор стала появляться каждую неделю под разными предлогами: то фотографии отсканировать, то копию с паспорта снять, то в Интернете что-то посмотреть. Являлась и караулила его до победного. Дэн быстро понял, в чем дело, умилялся и каждый раз делал вид, что верит в случайность их очередной встречи. А Полина продолжала проявлять недюжинную изобретательность, чтобы столкнуться с ним в коридоре или на офисном крыльце. В конце концов он сжалился над девочкой и решил, что такая настойчивость должна быть вознаграждена. Это случилось дней за десять до его отлета. Пока водитель парковался на стоянке, Дэн заметил стоящую на крыльце Полину. Девушка курила и не смотрела в его сторону, но Денис мог поклясться – видела она его прекрасно. Он усмехнулся. Сейчас выразишь удивление и внезапную радость, вызванную моим появлением. Ты умираешь от желания, чтобы я заговорил с тобой, и думаешь, что чем чаще я вижу тебя, тем больше у тебя шансов. Эх, женщины, я бы любил вас еще больше, если бы вы не были такими предсказуемыми...

Он нарочно еще посидел в автомобиле, проверил привезенные с собой документы, сделал пару звонков и только после этого вышел из машины. К тому времени бедная Полина смолила уже третью сигарету. Денис приветливо улыбнулся:

- Здравствуйте, мы с вами так часто видимся и до сих пор не познакомились. Я Денис.
- А я Полина.
- Полина, вы слишком много курите.

Девушка посмотрела на него, зачем-то перевела взгляд на охрану за его спиной и призналась:

– Вообще-то я совсем не курю. Просто использую любой предлог, чтобы столкнуться с вами.

– Вот как? – нейтрально ответил он. Денис очень постарался, чтобы в его голосе не было ни радости, ни осуждения, ни удивления, на которое она, видимо, рассчитывала. – А зачем?

«Сейчас мы и посмотрим, милая, действительно ли ты так наивна, непосредственна и неопытна».

Полина ступевалась. Она явно не знала, что ответить. Денис усмехнулся. Ему давно была знакома эта уловка. Многие женщины считали, что, признаваясь в своем чувстве к нему, да еще так неожиданно и просто, делают нечто очень оригинальное. Должно быть, они полагали, что их честность обязательно будет вознаграждена.

Но Денис был игрок, охотник. Такой подход к отношениям был ему не слишком интересен. Но тогда, рассматривая ее приталенный салатный плащ, сапожки на шпильках и короткую, но довольно толстую русую косу, перекинутую через плечо, он понял – эта девушка ему подходит. А коли так, нечего все усложнять.

– Вы мне тоже нравитесь, Полина, – мягко шепнул он в маленькое аккуратное ушко. – Завязывайте с курением, и пойдете попьем кофе.

Она оказалась неглупой и очень женственной. Но для Дэна Полина прежде всего была забавной.

Неделю перед его отпуском они встречались почти каждый вечер (кроме предпоследнего, когда к нему нагрянула Белла), ужинали, гуляли, сходили в театр на модную премьеру. Он дарил ей цветочки и отвозил домой. Девочка млела, а Денис еще не решил, что с ней делать. Как человек опытный, он понимал, что отношения с ней не будут долгими и быстро надоедят, а расставание может затянуться и вызвать кучу проблем, слез и упреков...

Нет, звонок Полине он тоже отложит. А вот с Алкой поболтает охотно. Алла была единственной женщиной, продержавшейся в его жизни рекордный срок – больше двадцати лет.

Они познакомились на первом курсе института, и между ними сразу вспыхнул яркий роман, продлившийся целых полгода. Потом у Дениса возникло странное чувство. С одной стороны, ему стало скучно, хотелось новых отношений с кем-то еще... Не привык он так долго встречаться с одной девушкой и хранить ей верность! А с другой стороны, с Алкой было настолько хорошо, легко и интересно, что он страшно боялся ее потерять. Но природа брала свое, скоро он начал ей изменять. Тайком и не часто. Совесть Дениса не мучила, казалось, все естественно, все так и должно быть. Но Алла, как потом выяснилось, узнала об очередной интрижке и обиделась. Нет, она не закатила сцену ревности, она вообще ничего ему не сказала. Просто стала держаться холоднее и отстраненнее.

Постепенно они отдалились друг от друга и в конце концов расстались. А на третьем курсе Алка вышла замуж. И тогда он испытал гамму таких мощных чувств, что сам себя не узнавал: боль, ревность, вину, отчаяние, и в то же время – невероятную радость: теперь не нужно ее обманывать. Но можно с ней общаться. Потому что Алка – самый близкий человек. Даже ближе отца и друга Олежки.

Через два года Алла развелась, и у них снова начался роман. Он вспыхивал периодически – раз в три-четыре года, и каким-то неведомым образом это не портило их отношений в остальное время. Когда буря страстей постепенно утихала, то уступала место регулярным душевным разговорам и нечастому дружескому сексу.

– Знаешь, Алусик, лет в шестьдесят я на тебе женюсь. Никого лучше и роднее мне все равно не найти, – говорил иногда Денис. И знал, что это неправда. Но, так или иначе, Алла оставалась единственной женщиной, которой он был рад в любое время суток. А потому он решил, что позвонит ей. Если только рейс не задержат и он не прилетит в Москву глубокой ночью.

Денис как в воду глядел. «Накаркал», – как сказал бы суеверный Георгий Борисович. Вылет самолета задержали аж на два часа, и это было очень досадно. Как всякий занятой человек, Дэн терпеть не мог терять время зря.

Он полистал красочный путеводитель, сходил в ресторан, где отпустил пару комплиментов хорошенькой официантке. А возвращаясь обратно, не поверил своим глазам.

– Олежа! – заорал он неприлично громко.

Друг услышал его не сразу, он словно ушел в себя. Задумчивый, грузный, он сидел на краешке кресла и с растерянным видом рылся в своей сумке.

«В сто пятый раз проверяет, не потерял ли документы», – усмехнулся про себя Денис и снова крикнул:

– Олег, дружище!

– Дэн, боже, ты здесь? Ах, ну да, сейчас ведь апрель. Ты всегда... – забормотал радостный приятель.

– Да, я тут в апреле завсегда. А тебя-то как сюда занесло? По моим подсчетам, ты должен сейчас сидеть в Москве и оплакивать свой развод.

– Да сколько уж можно оплакивать, – друг махнул рукой.

– Ты способен на пожизненные поминки, романтическая натура. Не то что я, скептик и циник. Ну и как ты? Все еще хранишь целомудрие?

– Не надо так, Дэн, – Олег поморщился.

– Ну, ладно, ладно... – Денис успокаивающе похлопал друга по плечу. – Между прочим, я знаю, зачем ты тут.

– Да?

– Да. Признавайся: ты хочешь купить себе квартиру в центре города.

– На кой черт мне тут квартира? – искренне удивился Олег. – Место, конечно, потрясное, но я тут второй раз в жизни и наверняка последний.

– Нет уж, не юли, я тебя тридцать лет знаю! Ты как-то прознал, что я собираюсь купить здесь недвижимость, и, как всегда, решил меня опередить. Разве нет?

– И в мыслях не было.

– Неужели? А я думал, тебе всегда охота со мной посоревноваться. И готов, сообщив, что купил себе апартаменты с видом на море, услышать в ответ, что ты приобрел вдвое большую квартиру в центре. Или коттедж в пригороде.

Олег расхохотался:

– Слушай, а ты подал мне идею! Может, и правда, озаботиться недвижимостью в Барселоне? Хорошеньким таким домиком... Только не в пригороде, а в историческом центре.

– Дом в историческом центре? Ни фига у тебя не выйдет!

– А это мы еще посмотрим!

Куда только девались задумчивость Олега и плохое настроение Дениса? Они заспорили, оживленно жестикулируя, и со стороны теперь напоминали не взрослых мужчин, а мальчишек.

Впрочем, в душе оба до сих пор оставались мальчишками.

Глава 3

Про лидеров и спарринг-партнеров *1974–2007 годы*

У близких людей, которые знают нас с детства, есть большое преимущество перед остальными. Только им известно, каковы мы на самом деле – без прикрас, без масок, без прочнеющей с каждым годом брони вокруг сердца. С этой точки зрения Олегу и Денису повезло.

Как они познакомились, ни один из друзей так и не сумел вспомнить. Но это точно случилось еще до поступления в школу и произошло, скорее всего, в одном из многочисленных дворов, окружавших любимый москвичами Тишинский рынок. Тогда они оба еще жили на Тишинке, почти в самом центре города – до Тверской, звавшейся в те времена улицей Горького, всего десять минут пешком. На 1 Мая и 7 Ноября можно было даже из дома не выходить – так отчетливо слышались музыка и голоса из громкоговорителей. Но, разумеется, в эти дни никакая сила не сумела бы удержать ребят дома. Разве можно отказать себе в удовольствии поглазеть на демонстрацию или тем более едущие прямо по улицам танки? А сколько чудесных вещей продавалось на улице Горького в праздничные дни! И алые флажки с надписью «Мир. Труд. Май», и воздушные шары, и набитые опилками «мячики» на резинке, и яркие леденцы-петушки на палочках, и бутерброды с деликатесной копченой колбасой или рыбой, завернутые в хрустящую целлофановую обертку... Все эти сокровища покупались на двоих, несмотря на то, что карманных денег у Дениса всегда было значительно больше, чем у Олега. Но, отправляясь на демонстрацию или просто на прогулку, друзья всегда складывали свои финансы и честно делили пополам. Хватит на два флажка или два билета в кино – отлично. Нет – купим мороженого или просто так побродим по улицам.

Так или иначе, в первый класс Олег Игнатенко и Денис Вербовский пришли уже друзьями. Учительница посадила их за одну парту, и эта традиция сохранилась на все «школьные годы чудесные». Все десять лет они сидели за четвертым столом у окна.

Окружающих подобная дружба удивляла – очень уж разными были эти мальчишки. Начиная с внешности. Дэн – худенький, среднего роста, очень подвижный, темноволосый и темноглазый, с детства на удивление хорошенький, самый красивый мальчишка в классе. Он очень рано понял, какие преимущества дает его привлекательность, и умело этим пользовался как с девочками, так и со взрослыми. Ведь сколько бы люди ни твердили, что внешность не главное, мол, не родись красивым и так далее, никто не станет спорить, что красивому человеку живется гораздо легче.

Во всяком случае, Олег Игнатенко был стопроцентно в этом уверен. Сам он никогда не был не то что красивым, но даже симпатичным. Слишком высокий, при этом толстый – маме приходилось несколько раз за учебный год расставлять брюки и расшивать пиджак. От полноты он постоянно потел, под мышками проступали некрасивые влажные пятна. На голове его вечно творилось бог знает что – тусклые волосы были настолько непослушными, что, даже подстриженные коротко, умудрялись выглядеть неряшливо, топорщась в разные стороны. А в третьем классе ему к тому же пришлось надеть очки, от чего его и без того маленькие и не слишком выразительные глаза стали еще незаметнее. Казалось бы, идеальная мишень для уколов и насмешек. Дети – народ жестокий, больным и «не таким, как все» в их стае приходится нелегко. Однако Игнатенко никто не задирали. Возможно, благодаря дружбе с Денисом. Но скорее из-за спокойного, невозмутимого характера Олега. Неинтересно прикалываться над тем, кто на это не обижается. И потом, было в маленьком мальчишке что-то такое, из-за чего рядом с ним приятно было находиться. Просто постоишь вместе на перемене, перебросишься

парой слов, и настроение меняется. Становится хорошо и уютно, словно пришел домой, сунул ноги в удобные тапочки и уселся в любимое мягкое кресло.

Учились друзья тоже по-разному. Дэн все схватывал на лету, но при этом ненавидел корпеть над учебниками. Домашних заданий старался не делать, ему это было неинтересно. Иногда списывал у Олега, но чаще обходился вовсе без подготовки к уроку: выручали сообразительность и хорошо подвешенный язык. Вербовскому ничего не стоило выйти к доске в состоянии, которое именовалось в классе «ни бэ, ни мэ, ни кукареку», и ловко скомпоновать свой ответ из обрывков запомнившихся объяснений учителя и собственных знаний, полученных вне школы, – Денис читал запоем и интересовался всем на свете: от мифов Древней Греции до создания пороха и от поведения дельфинов до освоения космоса. Нередко подобная тактика имела успех, и Дэн отправлялся на свое место с отличной оценкой в дневнике. Но случались и неудачи, особенно на тех уроках, где требовались конкретные знания, а не эрудиция. И в результате к концу четверти учителя только ахали и разводили руками: среди оценок Вербовского обычно пятерок и двоек было поровну.

Олег Игнатенко был, что называется, прилежным учеником. Память у него была неважная, большинство предметов давались с трудом, поэтому он ежедневно часами просиживал над уроками, зубря правила русского языка и запоминая доказательства теорем. В отличие от друга, он серьезно относился к учебе, прийти на урок неготовым для него было равносильно катастрофе. Отличником Олег так и не стал, но в группе «хорошистов» продержался стойко. В школах подобные исполнительность и трудолюбие всегда бывают замечены. Потому уже начиная со средних классов Игнатенко охотно давали разные общественные поручения и выбирали его в пионерские, а затем и в комсомольские лидеры. Не в первые фигуры, председатели и комсорги (эти должности обычно занимали девочки), но, во всяком случае, в их помощники.

Семьи у обоих мальчиков были неполными, но это тоже являлось не сходством, а различием. Дэна воспитывал рано овдовевший папа, дирижер, человек по тем временам обеспеченный и, что еще важнее, имевший доступ к дефициту. У него, представителя театрального мира, была масса полезных знакомств, поскольку достать с его помощью билеты в Большой театр или необычайно модную Таганку хотели и директора магазинов, и заведующие складами, и начальники овощных баз. И каждый раз «бывали благодарны». А если прибавить к этому зарубежные гастроли, из которых привозились шикарные вещи, да не забыть многочисленных пассий Георгия Борисовича, которые наперебой баловали его сына и задаривали подарками, то можно понять – нужды Денис не знал. Имелись у него и фирменные джинсы, и модные кроссовки, и портфель-«дипломат», мечта любого подростка, и прочие атрибуты стильной жизни, позволявшие выделиться в толпе одноклассников.

Олежке подобное благополучие и не снилось. Он был сыном работницы химчистки, матери-одиночки. Отца своего Олег никогда не видел, в сбивчивые мамины рассказы о его работе на Севере верить быстро перестал и вскоре прекратил задавать ненужные вопросы, интуитивно, детским чутьем, догадавшись, что его мама решилась на смелый для той эпохи шаг и «родила для себя».

Вербовские обитали вдвоем в трешке-распашонке, у Дениса была своя комната, чем в то время мог похвастаться далеко не каждый. Семья Игнатенко жила в шестнадцатиметровой комнате в коммуналке с пятью соседями, в доме без лифта и с газовой колонкой. Антонина Ивановна работала в две смены, Олегу приходилось помогать ей – отстаивать длинные очереди в булочной и магазине «Молоко», убирать квартиру, варить картошку или макароны. Георгия Борисовича тоже часто не было дома, но Дэна хозяйственные проблемы не касались – ими занимались бабушки, приезжавшие к ним по очереди.

Словом, Денис Вербовский был удачливее друга, начиная с внешности и заканчивая материальным положением. Но Олег, в свою очередь, брал не везением, а трудом и основательностью. И потому Дэн чуть не каждый день слышал от отца, бабушек и учителей: «Опять

домашнее задание не записал? Олежке позвони, он не то, что ты, он всегда добросовестно относится к своим обязанностям» или: «Вербовский, где сменная обувь? Забыл? Почему Игнатенко никогда ничего не забывает?»

Таким образом друзья уравнивали друг друга. И никому бы в классе и в голову не пришло шушукаться, что «Игнатенко водится с Вербовским потому, что у Дениса богатый папа», или счесть, что «Дэн использует Олега, потому что у Игнатенко всегда можно списать», их тандем воспринимался как союз равных. Ни один из приятелей не думал, что друг в чем-то хуже, – наоборот, каждый искренне верил, что другой значительно превосходит его по всем возможным показателям.

Возможно, именно в этом и крылись корни странной особенности дружбы Олега и Дениса. Все их отношения постоянно были овеяны духом соперничества.

Так, если у Олега выходила в четверти пятерка по физике, Денис не успокаивался, пока не получал отличную оценку в году, а когда Дэн побеждал в школьной олимпиаде, Олег костыми ложился, но выигрывал районную. Однажды Вербовский выучил наизусть всю сцену Полтавского боя вместо заданного отрывка – и на следующем же уроке литературы Игнатенко, к восторгу одноклассников, чуть не весь урок декламировал пушкинскую поэму целиком и ни разу не сбился. А когда в седьмом классе Олежку выбрали председателем совета отряда класса, Дэн напрягся и стал председателем пионерской дружины школы.

Надо сказать, несмотря на соперничество, никто никого не подставлял, и победа всегда была заслуженной, а поражение не обидным. К тому же дружбе это совсем не мешало, каждый из ребят искренне радовался успехам приятеля.

Об этой странной дружбе-соревновании знали все одноклассники. Первое время кто-то пытался влезть в спор, принять сторону одного из мальчиков или тоже помериться с ними силами, но Олег с Денисом такие попытки пресекали на корню. Это было их, и только их, соперничество, в третьем они не нуждались.

В восьмом классе к постоянному соперничеству прибавилось новое хобби. В это время в школе стало модным по любому поводу держать пари, и Денис Вербовский с Олегом Игнатенко сделались самыми яркими спорщиками. Не проходило и нескольких дней, чтобы не слышалось: «Спорнем?» или: «На спор?» Поскольку материальные возможности Олега, как уже говорилось, были невелики, то спорили чаще всего «на американку» – проигравший должен был исполнить любое желание победителя. Друзья часами ломали голову и над тем, что бы еще такое придумать, чтобы втянуть закадычного приятеля в новый спор и гарантированно выиграть, и над тем, что такого интересного попросить у проигравшего. А одноклассники с нетерпением ждали очередного развлечения. Всем было любопытно, что Вербовский и Игнатенко изобретут в этот раз.

Однажды, ближе к концу года, когда ветви деревьев за окнами школы уже подернулись зеленой дымкой, Денис появился в классе в приподнятом настроении. Бодро вошел, направился к столу, где сидел сонный и задумчивый товарищ, небрежно опустил на пол свой «дипломат», хлопнул соседа по плечу и, сверкая направо и налево обаятельной улыбкой, стал радостно приветствовать одноклассников и особенно одноклассниц. Девчонки тут же оторвались от своих дел и принялись кокетничать кто во что горазд.

Олег спокойно наблюдал эту привычную картину. В восьмом классе они считали себя абсолютно взрослыми, слово «любовь» и все, с ним связанное, перестало вызывать у мальчишек глупое хихиканье, они уже не стеснялись проявлять свой интерес к девчонкам, писали им записки, звонили по телефону, приглашали гулять, в кино и на медленный танец во время дискотек. Что касается девушек, то эти уже не первый год красились, делали маникюр, переписывали друг у друга в разрисованные сердечками и обклеенные вырезанными из журналов фотографиями «песенники» стихи о любви и шушукались на переменах, кто с кем «встречается». Для Олежки не являлось секретом, что почти все девочки в классе были влюблены в

его друга. Они как будто не замечали, что, сходя в кино с Верой Гавриловой, сегодня он ведет в кафе-мороженое Вику Зайцеву, а завтра целуется прямо на школьном крыльце с Юлей Парамоновой. Олега удивляла нетребовательность девчонок, но в душе его не было ни зависти, ни ревности, просто искреннее недоумение. Он был даже рад за приятеля, имевшего такой бурный успех, но сам ни за что не стал бы строить отношения с девушками подобным образом.

Вот уже полгода Олег Игнатенко робко переглядывался с Олей Большаковой. Она сидела на первой парте у стены, была худенькой, застенчивой и казалась Олегу очень красивой, а еще почему-то маленькой и беззащитной. Один вид Оленьки и даже звук ее голоса вызывал в нем желание расправить плечи и заслонить девочку собой, чтобы никто на свете никогда не посмел ее обидеть.

Олег был преданно и страстно влюблен, но открыться в своих чувствах все не решался. Однажды он поделился своими переживаниями с Дэном, и тот почти убедил его, что надо действовать. Под влиянием друга Олежа написал Оле записку без подписи, в которой пригласил ее в воскресенье в кино, в Клуб имени Серафимовича. Весь день он ужасно волновался, пришел, боясь опоздать, чуть ли не за час и спрятался на стройке, откуда был хорошо виден вход в клуб. И тут смелость его покинула. Олег так и не решился выйти из укрытия и, ругая себя за робость, наблюдал, как нарядная Оля стоит у крыльца, вертя головой по сторонам. За минуту до начала сеанса она решительно поднялась по ступенькам, потянула на себя дверь и скрылась в клубе. Тогда Олег побежал следом, тоже купил в кассе билет, но в зал вошел только после журнала, когда там уже было темно. Сел и весь сеанс смотрел не столько на экран, где шла «Принцесса на горошине», сколько на тонкий профиль в шестом ряду. Пытался собрать волю в кулак, представлял, как после фильма подойдет к Оле. Придется, конечно, извиниться за опоздание. Надо будет придумать какую-то уважительную причину... Хотя можно обойтись и без этого. Просто бросить небрежно: «Извини, никак не мог прийти раньше», тогда он будет выглядеть совершенно по-взрослому, как будто у него есть важные дела. А еще лучше ничего не говорить, просто сделать вид, что никакой записки он не писал и встретились они тут совершенно случайно...

Увы, все эти грандиозные планы так и остались нереализованными. За пять минут до окончания сеанса Олег с позором бежал и до вечера бродил по улицам, проклиная самого себя на чем свет стоит. Кроме стыда за собственную трусость, угнетали еще и мысли о предстоящем разговоре с Денисом. Наверняка приятель начнет расспрашивать, как прошло свидание, – а это было смерти подобно... К счастью, Дэн сразу понял, что друга лучше оставить в покое, и не стал задавать никаких вопросов.

С тех пор Олег больше не решался сделать ни одного шага навстречу Оле. Несмотря на то, что сам стал замечать, как она смотрит на него. А иногда даже улыбается своей неземной улыбкой. Робкой и приветливой.

Так было и в тот апрельский день, которому суждено было перевернуть всю его жизнь. Следом за Денисом в класс вошла Оля и улыбнулась – именно ему, а не кому-нибудь другому! И он почувствовал, что за спиной точно вырастают крылья. А Дэн тем временем продолжал рисоваться. Что и говорить – выглядел он великолепно. Форменный синий пиджак красиво облегал стройную фигуру, в вырезе ворота была видна модная серая водолазка, вместо школьных брюк – джинсы «Леви Страус». Приятель эффектно опустился на стул, и Олег с грустью подумал, что, видимо, никогда не научится так красиво садиться – сам он до сих пор не мог избавиться от детской привычки плюхаться за стол как куль с мукой, с громким сопением и непременно роняя при этом тетрадь или учебник.

Одного взгляда Олегу было достаточно, чтобы понять: Дэн замыслил что-то из ряда вон выходящее. И нарочно оттягивает момент своего триумфа, неторопливо берет в руки «дипломат», ставит на стол, открывает, достает тетрадь по алгебре и учебник – без обложки, и в апреле

выглядевший, как новый. В этом была еще одна загадка – все вещи Дениса, включая одежду и обувь, всегда выглядели как будто только из магазина, хотя он не прилагал для этого никаких усилий. А Олежек оборачивал учебники в бумагу, каждое утро до блеска начищал ботинки и каждый вечер застирывал манжеты и воротник на рубашках. И все равно книги к третьей четверти рассыпались, обувь после первого же выхода на улицу казалась замызганной даже в сухую погоду, а на рукаве обнаруживалось невесть откуда взявшееся пятно...

Наконец Дэн повернулся к нему, и Олег не сомневался, что первой фразой друга будет: «А спорим...»

Решение возникло мгновенно, что было так не похоже на него, медлительного и привыкшего взвешивать каждое слово.

– Спорим, что я... – опередил он приятеля и замер в поисках подходящего повода для пари. Положение казалось почти безвыходным – ведь никакой домашней заготовки не было! И нерасторопный мозг, видимо от испуга за авторитет своего хозяина, подкинул вдруг хитроумную комбинацию. В тот момент Олег еще даже не догадывался, насколько она выигрышна и сколько победных очков ему принесет. Просто набрал в грудь побольше воздуха и выдохнул:

– ...что я вчера поднимал паровоз?

Почему именно паровоз? А бог его знает. Они жили недалеко от Белорусского вокзала и часто ходили на железную дорогу. Потому, наверное, и пришло в голову.

Класс одобрительно загудел.

– Спорим, – Денис выглядел скорее заинтригованным, чем растерянным.

А со всех сторон понеслось:

– Разбей их!

– А как докажет?

– Пусть еще раз поднимет!

– После уроков все на вокзал!

– Давайте с последнего, с химии, смоемся!

– Ты что? «Химера» голову оторвет!

– А на что будете спорить?

– Чур, только не «на американку»! Надоело уже.

– А вы поспорьте на поцелуй! – заявила вдруг Лена Борисова, самая модная девочка в классе, и томно поглядела на Дэна большими карими глазами.

– Это как? Кто проиграет, тот поцелует другого, что ли? – заржали было мальчишки, но Лена быстро поставила их на место:

– Дураки вы! Детский сад, честное слово. Конечно, не так! Пусть, кто выиграет, выберет любую девчонку из класса, и та его поцелует. При всех.

Предложение вызвало бурное обсуждение, и только приход математички заставил утихнуть не на шутку разгоревшиеся страсти.

Еще ни один школьный день не казался Олегу таким длинным. Но он был почти спокоен, поскольку уже знал, как попытается выйти из положения.

После уроков восьмой «Б» двинулся на вокзал.

Олег Игнатенко был верен своему слову. Сказал «паровоз» – значит, нужен именно паровоз. Попетляв по запасным путям, он привел всю компанию к депо, где стоял на приколе не современный тепловоз, возивший электрички или поезда дальнего следования, а старая, выдавшая виды паровая машина, теперь использовавшаяся только раз в год – 9 Мая, в небольшом путешествии, устраиваемом для ветеранов.

Ребята остановились, с уважением поглядели на серую громаду с красной звездой и полустертым номером на боку и перевели ожидающие взгляды на Олега. А тому вдруг стало легко и весело, точно все происходило не с ним.

– Пиплы, – сказал он серьезно и проникновенно, – клянусь вам, я вчера поднимал вот этот паровоз. Поднимал, но... не поднял. Он тяжелый, зараза...

Денис попытался что-то сказать, но его голос потонул в одобрительном хохоте одноклассников. Только несколько человек (и то одни девочки) закричали: «Нечестно!», «Не считается!» Остальные признали правоту Олега – действительно, ведь он не говорил, что **поднял** паровоз, а только, что **поднимал** его.

И Дэн, как обычно, оказался на высоте. Он не стал качать права, а вместе со всеми от души посмеялся, а потом поблагодарил друга за то, что тот избавил его от сложного выбора. При этом он так посмотрел в сторону девчонок, что они почти все покраснели. Каждая в глубине души надеялась, что Денис назовет именно ее имя, но никто не знал этого наверняка. А вот Олег точно знал, кого ему выбрать. И Оля знала, что он выберет ее.

– Оля... Оленька... – с трудом выговорил Олег. Во рту отчего-то враз пересохло, колени подгибались, голова кружилась, точно при высокой температуре.

Пряча глаза, они оба одновременно сделали шаг друг другу навстречу, потом второй, третий. Ребята вокруг шумели, что-то говорили, смеялись, но Олег слышал только, как стучит кровь у него в ушах.

И вдруг наступила тишина.

Оля поднялась на цыпочки, неловко обвила рукой его шею, и ее прохладные губы коснулись его щеки.

– Ну че вы как в детском саду! – подал голос кто-то из пацанов, кажется, Володька Трофимов. – По-настоящему целуйтесь!

Но тут же замолчал, услышав жесткий окрик Дениса:

– Заткнись, придурок!

Это был самый сладкий поцелуй в жизни Олега Игнатенко. Потом их было множество – и с Олей, и после развода с ней с другими женщинами. О многих он просто забыл, о других старался не вспоминать, третьи вызывал в памяти с удовольствием. Но ни одно из воспоминаний не пробуждало в душе такого волнения, такого трепета, такого восторга.

На Дениса проигранное пари все же произвело впечатление. Буквально на следующий день он заявил подчеркнуто безразлично:

– Забьемся, что я смогу прокатить на колесе обозрения морскую свинку, а ты нет? Спорим, как вчера, на поцелуй.

Со стороны такое пари могло показаться странным. Подумаешь, проблема – пронести с собой на аттракцион морскую свинку Лизки Тихомировой! Это же не собака, не кошка. Спрятал ее за пазуху – и иди себе катайся. Однако на самом деле предложение Дэна таило в себе огромный подвох. Даже два подвоха. Никто, кроме него, не знал, что Олег отчаянно, до головокружения и дрожи в коленях, боится двух вещей на свете – мелких грызунов и высоты.

Про грызунов Денис знал со слов друга. Про высоту Олег ничего не говорил, но наблюдательный Дэн сам сделал такие выводы. Очень давно, когда им было лет восемь, у Вербовских отмечали сразу два праздника: День Победы и день рождения Георгия Борисовича, приходившийся как раз на девятое мая. Было много гостей, в большой комнате раздвинули и накрыли обеденный стол, чуть не ломившийся от всяких вкусностей. Взрослые пировали, а мальчишки быстро наелись и, соскучившись за столом, уже хотели отправиться в комнату Дениса поиграть в солдатики, когда за окном раздался грохот и гости зашумели: «Салют, салют!»

Все поспешили на балкон. Вербовские жили на восьмом этаже, и из их окон открывался прекрасный вид на город. Разноцветные вспышки и россыпи огней можно было наблюдать аж в трех местах – над Кремлем, над Красной Пресней и еще где-то вдали, кажется, в районе Ленинских гор. Денис бежал проворнее всех и первым оказался у перил широкого балкона. Он забил местечко Олегу, но приятель отчего-то не торопился полюбоваться на салют.

– Олег, ты где? – крикнул Дэн.

Георгий Борисович тоже искал друга сынишки и увидел, что тот робко жмет в дверях, прячась за спинами взрослых. Денискин папа решил, что мальчик просто стесняется. Желая исправить положение, он взял Олега на руки и посадил к себе на плечи.

Денис даже позавидовал. Вот это да! На папиных плечах, на балконе, над всеми взрослыми! Как, наверное, все здорово видно! Повезло! Но друг восторга явно не разделял, сидел ни жив, ни мертв и бледнел на глазах. «Он боится! – догадался Дэн. – Олег боится высоты! Бедняга...» Тогда Денис ничего не сказал ни Олежке, ни кому-либо другому. Но, украдкой наблюдая за приятелем, не раз убеждался в верности своего предположения.

И вот теперь эта информация пригодилась. Сочетание колеса обозрения и морской свинки казалось беспроигрышным.

Дэн был уверен, что Олег не примет пари, начнет придумывать, как отвертеться. Но Игнатенко, как ни странно, согласился. И снова выиграл.

В Парк культуры отправились в воскресенье, и тоже почти всей толпой, человек двадцать пять. У колеса обозрения кинули жребий. Первым выпало ехать Денису. Он, смеясь, взял у Лизки зверька, понадежнее спрятал под курткой и занял место в кабине. Следом за ним уселись и остальные ребята. Внизу остались только Олег Игнатенко и Оля Большакова.

– Оля, ты чего там стоишь, поехали с нами, тут место есть! – замахала ей рукой Эльмира Сейфуллина.

Оля покачала:

– Не, не хочу. Я здесь побуду.

И кабинки, сопровождаемые смехом и веселым гомоном ребят, поплыли вверх, а Оля и Олег остались вдвоем. Несмотря на длинную очередь желающих покататься на аттракционе и толпы гуляющих в парке, мальчик и девочка чувствовали себя так, точно были одни в целом мире.

Олег потупился и спрятал в карманы миглом вспотевшие ладони. Он совершенно не знал, как себя вести, о чем говорить, только стоял и мялся, красный, как вареный рак. И вдруг Оля заговорила сама:

– Я колесо обозрения не люблю. Мне больше качели нравятся, знаешь, такие, как лодки. А тебе?

– И мне тоже...

– А еще, говорят, тут здорово, когда чешский луна-парк приезжает. Только я ни разу не была. Это летом бывает, а меня летом родители на дачу увозят. А у вас есть дача?

– Нету. Зато я был в луна-парке! В прошлом году с Дениской и его папой.

– Правда?

– Честное слово! Я в тире стрелял, жвачку выиграл, шарики такие разноцветные, вку-у-усно! А еще мы в комнате страха были, только это не комната вовсе, а туннель такой, в нем на машинке едешь... Едешь в темноте, а тут на тебя из-за угла раз – и скелет!

– Ух ты! Страшно, наверное, было?

– Нет, конечно! Это ж для детей...

Они и не заметили, как пролетело время, отведенное на аттракцион, и их одноклассники посыпались, как горох, из подъезжающих кабинок.

– Ну что? Теперь твоя очередь, – Денис с торжествующей улыбкой протянул другу морскую свинку.

Олег взглянул на Олю и взял в руки мохнатое тельце. Если он и переживал в душе бурю чувств, то со стороны ничего не было заметно. Разве что лицо Игнатенко выглядело сосредоточенным и слегка напряженным, точно на физкультуре при разбеге для прыжка в высоту. Он повернулся и сделал несколько шагов, но не в сторону кабинок, а по направлению к очереди. Оглядел всех стоявших, выбрал улыбающуюся молодую женщину, державшую за руку кудрявую девочку лет семи, и подошел к ним.

– У меня к вам просьба, – серьезно, совершенно по-взрослому сказал Олег. – Вы не могли бы прокатить моего питомца? Она у меня обожает кататься на колесе обозрения!

Женщина засмеялась, ее дочка с восторгом взяла зверька и прижала к себе. Олег вернулся к друзьям.

На этот раз Денис не был так сдержан.

– Мухлюешь, дружище! – покачал головой он.

– Ничего подобного! – возразил Олег. – Вспомни, как ты сказал: «Прокатить свинку на колесе обозрения». Она прокатится? Прокатится. Вон уже поехала... А про то, что я должен сидеть в кабинке, мы и не договаривались.

Так ему снова достался поцелуй Оли Большаковой. На этот раз уже «по-настоящему», в губы. Ребята стояли вокруг и считали, как на свадьбе:

– Ра-аз, два-а, три-и...

А Олег чувствовал себя свинопасом из сказки, который целует прекрасную принцессу...

– Ну, ты даешь, – ворчал потом Дэн. – Выбрал бы для разнообразия другую девчонку, что ли.

Но Олегу другая была не нужна. Он уже твердо знал: после школы они с Олей поженятся.

Конечно, Денис не успокоился. И хотя у Олега уже не было такой необходимости в выигрыше (ему уже и так, без всяких пари, доставались поцелуи Оли), соперничество между друзьями не прекратилось, а даже, наоборот, разгорелось с новой силой.

Этим друзья были обязаны учителю физкультуры Геннадию Андреевичу, которого обожала вся школа. Геннадий Андреевич всех девочек, начиная с первоклассниц, называл «барышни», а всех мальчишек – «шнурки»:

– А ну-ка, строиться! Барышни налево, шнурки направо!

Именно физрук и сказал слова, которые сыграли огромную роль в жизни друзей. Как-то раз, наблюдая за девятиклассниками Вербовским и Игнатенко, он произнес:

– Тихо, шнурки! Хорош уже мериться, кто из вас первый, а кто спарринг-партнер!

Ребята его не поняли, и тогда учитель разъяснил, что спарринг-партнером называют спортсмена «на вторых ролях» при лидере. Он помогает «первому» подготовиться к бою или соревнованию, выступая на тренировках как его соперник и отработывая сценарий будущих состязаний, дублирует его, если с лидером что-то неожиданно случится, а в некоторых видах спорта поддерживает во время соревнования, например, в беге на короткую дистанцию, бежит рядом, словно делится с ним своей силой и стремлением к победе, придавая дополнительную энергию.

Слова пожилого учителя произвели неизгладимое впечатление на друзей. С тех пор в каждом споре Олега и Дениса обязательно звучало: «Думаешь, ты лидер? Ошибаешься. Лидер – это я, а ты спарринг-партнер!» Соперничество вошло в новую стадию. Стало более жестким и не всегда безупречно честным. Давняя дружба не то чтобы разладилась, но окрасилась в другие тона. В серьезных вещах ребята по-прежнему стояли друг за друга горой, но в мелочах теперь каждый был за себя.

После школы пути друзей разошлись. Денис сразу же поступил в строительный, Олег сначала отслужил в погранвойсках на Дальнем Востоке и только потом, после рабфака, попал в институт, о котором мечтал с самого детства, – архитектурный. Но дружба не прекратилась, только, если можно так выразиться, видоизменилась. Иногда виделись довольно часто, иногда оба оказывались настолько заняты, что совсем не оставалось времени на общение. Тем не менее из вида друг друга не теряли. Каждый постоянно следил за жизнью другого, а, узнав о том или ином успехе друга, тут же старался взять еще более высокую планку. Когда в начале девяностых Олег приобрел свои квартиры – однокомнатную маме и двушку себе с Олей, – то Денис вскоре обзавелся четырехкомнатными шикарными апартаментами на Бронной. А после того как Вербовские купили два участка, соседних с их дачей в Раздорах, Олег отгрохал

себе целый дворец по Новорижскому направлению. Увидев, что Денис никуда не выезжает без сопровождения секьюрити, Олег тоже обзавелся личной охраной. И каждый раз после такого шага ни один из приятелей не лишал себя удовольствия отправить другу электронное письмо или эсэмэску со словами: «Что скажешь, мой спарринг-партнер?»

Глава 4

Новое пари

22 апреля 2007 года

Приятели так увлеклись разговором, что не сразу заметили ярко-желтый теннисный мячик, подкатившийся к их ногам. Олег машинально нагнулся, чтобы поднять его, и увидел рядом с мячиком пару маленьких ножек в кожаных сандаликах.

Перед ними стояла хорошенькая девочка лет пяти или шести в джинсовом сарафане и такой же панаме и внимательно смотрела на него.

– Скажите, пожалуйста, а вы не мой папа? – очень серьезно спросила она.

– Нет, – ответил Олег растерянно и удивленно.

– Точно?

Денис хохотнул.

– Точнее не бывает, детка, – заверил он. – Кто-кто, а этот примерный семьянин никак не может быть твоим папой. Тебе сколько, лет пять? Значит, это должно было случиться в год примерно две тыщи первый... Нет, исключено!

– Перестань, Дэн! – оборвал Олег, которому веселье друга показалось неуместным, и снова повернулся к девочке: – Ты и правда обозналась, малышка.

«Странный вопрос для ребенка такого возраста, – подумал он. – В ее годы собственного папашу уже пора узнавать в лицо. Или она из тех, у кого нет отца, но кому очень хочется его иметь? Любого, только бы своего... Бедная девочка!»

– Маська, а где твоя мама? – спросил он и услышал в ответ:

– Я не Маська. Я Олеся. А тебя как зовут?

– Меня Олег, а это Денис.

Девочка вежливо кивнула, но, похоже, имя «не папы» было ей глубоко безразлично.

– Держи свой мячик, Олеся.

Девочка взяла мячик, но не уходила. Она продолжала игнорировать Дениса и смотреть на Олега серьезными и очень красивыми серыми глазами.

– А ты где живешь? – снова спросила она.

– В Москве.

– И я в Москве. Мы с мамой тут отдыхали, а теперь летим домой.

– Ну вот и чудесно! – снова вмешался Денис. – Можешь передать своей маме большущий привет от нас.

Малышка кивнула, но не двинулась с места.

– Мою маму зовут Света, – сообщила она.

– Прекрасное имя! – Денис уже начал терять терпение. – А сейчас, милая, иди к маме, а мы закончим свой взрослый разговор.

Девчушка расстроено поглядела на Олега.

– Я не хочу от тебя уходить! – заявила она.

– Леся, вот ты где! – высокая энергичная женщина в голубом брючном костюме направилась в их сторону. – Ну, сколько можно говорить! Играй так, чтобы я тебя видела.

Олег посмотрел на строгую даму и отвел глаза. Затем снова посмотрел. Не красавица. Выражение лица жесткое, как у человека, привыкшего повелевать и всегда добиваться своего. Но есть в ней что-то притягательное.

– У меня мячик укатился...

– Вечно ты что-то придумашь!

– Не ругайте ее, – Олегу вдруг захотелось заступиться за девочку. – Когда рейс откладывают на три часа, очень сложно усидеть на одном месте. Даже взрослым.

Светлана не ответила и даже не взглянула в его сторону. Молча взяла дочь за руку и увела.

– Видал? Суровая дамочка! – присвистнул Денис. – Эй, а ты чего уставился ей вслед? Здесь вариант без шансов.

– Это почему?

– Да потому, что такие женщины не для нас.

– Такие – это какие?

– Какие-какие... Вот такие. Успешные, обеспеченные, состоявшиеся в жизни.

– А с чего ты взял, что она успешная и состоявшаяся? – Олег возражал скорее из упрямства, ему вдруг захотелось поспорить с приятелем.

– Да ты что, Олежка! Ты видел ее костюм, обувь, часы? Одно кольцо с бриллиантами штук десять стоит, не меньше. Но дело даже не в прикиде. У нее на лбу крупными буквами написано, что она привыкла строить окружающих вместе с тумбочками на подоконнике.

– Для этого обязательно быть состоявшейся? Ты сам говорил, что все женщины только этим и занимаются. Одни явно, другие завуалированно.

– Ну, эта из тех, кто «явно». Такие барские повадки... Она или супруга какого-нибудь кекса с толстым кошельком, или сама руководит солидной компанией. Впрочем, одно другого не исключает.

– Не думаю, что она замужем... – Олег слегка развернулся, чтобы удобнее было смотреть в ту сторону, где сидели женщина с девочкой. – Тогда ее дочка не стала бы так настойчиво искать себе папу.

– Все равно расслабься, тут тебе ничего не светит. Мы с тобой ей неинтересны. Подобные дамочки не обращают внимания на равных себе мужиков. Они привыкли сами быть лидерами. Во всем. И выбирают себе что-то попроще. Молодых, смазливых, накачанных, чтобы не стыдно было с ним на людях показаться. Но при этом бедных. Чтобы преданно любили за ее денежки, носили бы на руках, исполняли все прихоти и не вякали.

Олег усмехнулся. Пожалуй, в словах его друга была доля правды. И доля изрядная. Но соглашаться с Дэном почему-то не хотелось.

– Так что эта мадам – не наш контингент, – продолжал тем временем Денис, и в его голосе все отчетливее звучали менторские нотки. – Наш контингент – те девчонки, которые сами за нами охотятся. Молодые и претенциозные, мечтающие заполучить богатого мужа и поселиться на Рублевке. Если у того, кого она выбрала, уже есть жена, ее это нисколько не смущает. Она просто сожрет соперницу, как сжирают друг друга рыбы-пираньи, и займет ее место, чтобы через некоторое время самой оказаться сожранной какой-нибудь еще более молодой и еще более ловкой.

– Скажите на милость, как ты стал рассуждать...

Олег улыбнулся и подумал о том, как все-таки время меняет людей. Еще недавно, каких-нибудь десять лет назад, Дэн вообще не задумывался о психологии и человеческих взаимоотношениях, называя все это туфтой и романтическими бреднями. А теперь, поди ж ты, наблюдает, анализирует, строит целые теории.

– Эх, друг мой! – продолжал тем временем Денис. – Чем больше узнаю жизнь, тем больше понимаю: женщины в наше время изменились. Можно сказать, мутировали. Сейчас уже никто не поедет за мужиком в Сибирь, если у него там нет собственных нефтяных скважин. И коней на скаку останавливать, и в горящие избы входить тоже никто задарма не будет. Другое дело – если за это в награду станут раздавать мужей-олигархов или хотя бы богатых папиков-спонсоров. Тогда такие скачки с огненными препятствиями начнутся, только держись!..

Олег пожал плечами. Конечно, друг был во многом прав, но...

– Значит, если следовать твоей логике, эта Светлана вообще ни при каких обстоятельствах не обратит на меня внимания?

Ден на минуту замялся:

– Ну разве что, если ее дела идут совсем плохо. Если вдруг вся внешняя мишура – действительно только мишура, а бизнес уже дышит на ладан. И другого способа поправить положение нет. Тогда, возможно, она бы и вышла замуж за... Нет, не за тебя, а за твой счет в банке. Подпиталась бы твоими финансами, снова расправила бы крылья... А потом завела бы любовника, молодого и горячего.

– Получается, не будь у нас с тобой бизнеса, счетов в банке, домов, машин и всего прочего, мы бы вообще не представляли никакого интереса для женщин?

– Ну, – ухмыльнулся Денис, – я бы, впрочем, еще поборолся. Ведь я, как ты, наверное, успел заметить, просто чертовски привлекателен. К тому же хорошо знаю прекрасный пол. А вот твои шансы, мой друг, увы, свелись бы почти к нулю.

И тут Олега охватила жгучий азарт. Немного подзабытое, но все-таки до боли знакомое ощущение. Как тогда, в детстве, с паровозом и морской свинкой.

– Забьемся? – привычно бросил он.

Дэн поднял картинные брови:

– Ты о чем?

– Предлагаю пари. Кто победит, навсегда закрепит за собой статус лидера, а второму придется признать, что он только спарринг-партнер и ничего больше. Согласен? Заметь, Дэн, навсегда.

Денис еще более удивленно посмотрел на приятеля.

– Во дела! Ну, допустим, согласен. Тебе бы давно смириться с тем, что до лидера в нашем дуэте ты недотягиваешь...

– Вот и проверим, кто и до чего дотягивает.

– Ладно, идет, проверим. А о чем спорить-то будем?

– Я уж думал, что ты не спросишь, – усмехнулся Олег, наслаждаясь некоторым замешательством на лице бывшего одноклассника. Обычно у них все происходило наоборот. Дэн предлагал разные глупые пари, а он соглашался.

– Объясняю. Мы должны жениться. Не позже чем через три месяца...

– Нет уж, нет! – Денис с притворным испугом замахал руками. – На это я не согласен даже ради звания лидера. И не проси. Ты мне, конечно, очень нравишься, но все же не до такой степени, чтобы вступить с тобой в брак. Хотя... – он в шутку сделал вид, что задумался.

– Уймись, клоун! – фыркнул Олег. – Ты прекрасно понял, что я имею в виду. Каждый из нас должен найти себе девушку и не позже чем через три месяца сыграть с ней свадьбу. И при этом без денег.

– Что значит – без денег?

– То и значит. Сколько у тебя с собой наличности?

– А фиг его знает... Посмотреть надо.

Дэн вытащил кожаный бумажник с лототипом известной фирмы и вынул пачку купюр.

– Сто... Двести... Четыреста... Короче, восемьсот евро с копейками.

– Ну и отлично. А у меня тысяча триста, – привычка в точности знать, какая сумма лежит в кошельке, закрепилась у Олега с юности. – Стало быть, две тысячи двести на двоих или тысяча сто на нос.

– Ну да, пару-тройку раз в кабаки ходить.

– О кабаках забудь. На эту сумму каждый из нас будет жить все три месяца, пока идет пари.

– Ты что, обалдел?! – Дэн даже привстал с пластикового кресла. – Как можно жить на триста евро в месяц? Да еще за девушками ухаживать?

– А как же твоя чертовская привлекательность, Дэн? Плюс знание женщин? Справишься. Силой своего безмерного мужского обаяния, – Олег не скрывал иронии.

– Чего-то я, дружище, не могу понять, что ты задумал...

– А что тут непонятного? Все крайне просто. На три месяца мы с тобой забываем обо всем, что имеем. Никаких фирм, счетов и особняков – как будто каждый из нас гол, как сокол.

– Ага, кажется, начинаю потихоньку догонять... То есть ты хочешь, чтобы мы разыграли перед девушками этаких бедных, но благородных рыцарей...

– Не просто разыграли. Мы должны ими стать. То есть по-настоящему стать благородным рыцарем у тебя, конечно, не получится... Но постараться надо. Берешь на три месяца отпуск от дел и начинаешь новую жизнь...

– Олечка, да ты перегрелся на солнце! – перебил, не выдержав, Денис. – Думай, что говоришь! Как я могу на три месяца оставить бизнес, там же все без меня рухнет!

– То есть ты отказываешься от пари, я правильно понял?

– Ну да, то есть... Черт! Как ты... Дай хоть подумать... Ладно, уболтал. Авось три месяца мои замы продержатся без меня. А я буду иногда приезжать в офис... Или этого тоже нельзя?

– Нельзя. Я же говорю – забыть обо всем. На три месяца ты из владельца фирмы превратишься в простого безработного.

– Миленько! И что, даже подрабатывать нельзя?

– Можно, но не лифтами.

– А чем?

– Ну, чем получится. Ящики разгружать или что-то в этом роде...

– Хорошо хоть, что не бутылки сдавать. Слушай, а как, по-твоему, я должен все это своим невестам объяснить? Был нормальный мужик, своя фирма, все дела – и вдруг... Куда что девалось?

– А это, – Олег устроился поудобнее, – самая главная часть нашего пари. Никому ничего объяснять не придется. Потому что мы женимся на тех женщинах, которые о нас ничего не знают.

– Час от часу не легче! Это как?

– Вот так. Мы должны найти себе невест прямо здесь.

– Где-е-е?!

– Да здесь. В Барселонском аэропорту. Лично я собираюсь жениться на Светлане, маме Олеси. А ты выбирай себе кого хочешь.

– А, вот оно что! – Денис рассмеялся, но тут же вновь посерьезнел. – Нет ты, друг, совсем сбрендил. Какая еще Светлана? На кой черт она тебе сдалась? Ты ее видишь-то первый раз в жизни! Неужто влюбился с первого взгляда? А как же Оля?

– А что Оля? – Олег поморщился, как от боли. – Это пройденный этап моей жизни. Я ведь здесь для чего? Хотел в себе поковыряться, повспоминать, подумать...

Он замолчал.

– И как? – осторожно, почти шепотом, спросил Дэн.

– А так. Понял я, что не будет у нас никакого продолжения. Сам знаешь: нельзя дважды войти в одну реку. А эта Светлана... Есть в ней что-то...

– Да ничего в ней нет! – Денис даже повысил голос, так, что несколько человек обернулись в их сторону. – Ты и не разглядел-то ее толком. Просто тебя задело мои слова, что ты ей такой деловой не нужен. Ну, признайся!

– Не признаюсь. Так будешь спорить?

– Ну, коли ты серьезно, то буду. Только давай уточним легенду. Кто мы вообще? Ну, каков наш род занятий, социальный статус, так сказать? Не альфонсы же мы.

– Это ты прав... Надо подумать.

– Ох, ты сейчас придумаешь! Вай ме, чуёт мое сердце, зря я согласился на эту идиотскую авантюру, – комически запричитал Дэн, которому все меньше нравилась затея друга.

– Не переживай. Как тебе, например, гастарбайтеры с Украины?

– Лучше не бывает, учитывая, что я по-украински ни слова не знаю. И что, позволь узнать, гастарбайтеры с Украины забыли в Барселоне? Да еще в костюме от «Antoni Miro», – он кивнул на Олежкин пиджак.

– Ну, мы батрачили на какого-нибудь «нового русского». Например, Дэна Вербовского. И он не заплатил нам за работу. Вернее, заплатил намного меньше, чем мы договаривались. Только на билет до Москвы и хватило. И теперь у нас ни жилья, ни работы, ни денег. А костюмчик хозяйский, с барского плеча. Идет?

– Ну и шуточки у тебя! Ладно, идет. Только вот имена называть не обязательно. Пусть это будет коммерческая тайна. Слушай, а что делать с паспортами? Какие там у этих нелегалов вообще документы? И имена, что ли, менять придется? Не хочу я быть каким-нибудь Петро...

– Думаю, можно и не менять, – милостиво разрешил Олег. – А паспорта убрать подальше. Постарайся уж до свадьбы обойтись без ненужных вопросов с ее стороны.

– Слушай, а ведь у твоей Светланы дочка. Тебя это не смущает?

Олега это не смущало, даже наоборот. Он вообще не понимал, как ребенок может быть помехой. Разве что неуправляемый подросток, ненавидящий отчима, но уж никак не маленькая доброжелательная девчушка.

– Слышь, Олежка! – вывел его из забытья голос друга. – А может, все-таки отложим выбор невест до Москвы?

Тот покачал головой:

– Не увливай! А то я тебя знаю. Наверняка дома ждут пара-тройка красоток, которые спят и видят выскочить за тебя замуж. Хоть за богатого, хоть за бедного. Нет уж, смотри здесь.

Денис окинул взглядом всех окружающих, собравшихся около пятого выхода и ожидавших, когда объявят рейс на Москву. Затем оглянулся еще раз, повнимательнее.

– Как назло, ни одного хорошенького личика вокруг! Кроме вон той рыженькой, но она, увы, не одна, с парнем... Как и вот эта пышечка. Вон две подружки вроде ничего, но блондинка, судя по тому, как хихикает, полная дура, а у шатенки обручальное колечко на руке, отсюда вижу. А вон какая куколка идет, вон, спиной к нам, с синим чемоданом, с длинными волосами, в топике... А что, фигурка вполне... Сейчас обернется... Черт, это ж парень! Ну и дела!

Слушая друга, Олег от души веселился.

– Ищи, ищи свою судьбу!

– Издеваешься? Тут и глаз-то положить не на кого!

– Да ладно! Человек триста вокруг, не меньше. Мало, тебе, что ли?

– Легко говорить!.. Ты глаза-то разуй, что тут за публика! Одни парочки, семьи с детьми да бабульки.

– А ты не ленись – оторви попу от стула да походи по залу, поищи...

Дэн выразительно сверкнул глазами, однако дружеского совета послушался. Поднялся, осмотрел себя в стекле двери, поправил волосы и отправился на поиски.

Сегодня был явно не его день – ему откровенно не везло. Почти никто из женщин, сидящих в зале ожидания, ему не нравился. Разве что одна невысокая молоденькая девушка с пакетом в руках, на котором были нарисованы гуси святой Евлалии. Но она что-то очень уж быстро промелькнула и исчезла. А остальные были намного хуже. И те, про кого Денис считал, что «сойдет», и вступил в разговор, по каким-то причинам не подошли. Три оказались иностранками, ожидавшими другой рейс, у одной обнаружился столь неприятный голос, что Дэн не выдержал и сбежал, и, наконец, еще одна, брюнетка, читавшая глянцевого журнала, решительно дала понять, что не расположена знакомиться, и даже не посмотрела в его сторону. Уязвленный до глубины души, Денис вернулся к приятелю.

– Послушай, дружище, твоя Светлана, похоже, самое приличное из того, что тут представлено...

– Стало быть, ты признаешь себя проигравшим? – хитро прищурился Олег.

– Нет, но...

Пока Дэн думал, что сказать, по радио наконец-то объявили посадку.

– Я, кажется, знаю, что делать, – сказал Олег, поднимаясь. – Ты ведь бизнес-классом летишь?

– Конечно. Странный вопрос.

Это казалось само собой разумеющимся – как и то, что у Олега был билет эконом-класса. Так уж повелось изначально. Дэну нравилось шиковать, покупать все самое престижное и, по возможности, дорогое. А Олег всегда экономил. Не из жадности, а просто по привычке, идущей еще из детства. Зачем платить больше, когда все то же самое можно иметь и за меньшую сумму?

– Давай поменяемся местами, – предложил Олег. – Светлана с девочкой наверняка летят «бизнесом». Я сяду на твое место – и окажусь недалеко от них. А ты пойдешь на мое, в десятый ряд. И если судьба будет к тебе благосклонна, то на соседнем кресле окажется твоя избранница.

– Интересное кино! – присвистнул Денис, направляясь к выходу. – А если рядом обнаружится какой-нибудь дядька с вот такими усами? Или бабушка божий одуванчик?

– Значит, придется еще что-нибудь придумать...

Они спорили все время, пока выходили на посадку, добирались до «Боинга» в специальном автобусе и поднимались по трапу на борт. И в результате вошли в самолет самыми последними, не переставая дискутировать. Денис горячился, Олег откровенно потешался над ним. Ему-то было хорошо – место Дэна действительно оказалось почти рядом со Светланой и Олесей, через проход. Как в воду глядел!

– Смотри-ка! – Олег слегка ткнул в бок приятеля и указал в глубь самолета, на пустующее место в десятом ряду. – Тебе повезло. В соседях у тебя девушка, молодая и интересная.

– Это она-то интересная! – зашипел Дэн. – Какая-то серая моль, белая мышь... На что ты меня толкаешь, друг?

– Это не я, это судьба... Впрочем, если ты согласен всю жизнь зваться спарринг-партнером...

– Ну уж нет! Не дождетесь!

Дэн изобразил на лице самую обворожительную из своих улыбок и решительно двинулся на свое место.

Соседка была действительно без слез не взглянешь, даром что молодая... Худенькая, невзрачная, лицо ярко-розовое – обгорела на солнце, – волосы тусклые, неопределенного цвета, кое-как сколоты заколкой на затылке, одета в какой-то бесформенный балахон. В ушах торчали маленькие наушники – слушала плеер. Да, не повезло... Но делать-то нечего.

– Позвольте вас побеспокоить, – вкрадчиво шепнул Дэн, подходя к ее креслу. Он не сомневался, что, увидев перед собой такого красавца, девушка сначала смутится, потом начнет волноваться... Но ничего подобного не произошло. В первый момент она просто не услышала его из-за этих дурацких наушников, и пришлось повторить просьбу еще раз. Вышло уже, конечно, не так томно и не столь сексуально. Но действительно. Девушка вздрогнула, посмотрела на него – сначала с удивлением, а затем почему-то с неприязнью. И вдруг пробормотала себе под нос:

– Черт, как я ненавижу ремиксы...

Глава 5

Нет ничего хуже ремиксов

Ноябрь 1985-го – апрель 2007 года

Танин отпуск не задался с самого начала. Все началось еще неделю назад, рано утром, в день отлета. Будильник она поставила на девять, но проснулась в половине восьмого. И долго ворочалась в постели, глядя в серое апрельское небо. Низкие тучи и накрапывающий дождь явно не обещали хорошей погоды. Казалось, за окном не середина весны, а поздняя осень. А это означало, что про любовно выглаженный вечером льняной костюм нужно забыть. Придется лететь в джинсах и ветровке.

Это было не просто неприятно, это было унижительно. Как можно в капюшоне и кроссовках выглядеть безупречно женственной? А Тане сейчас было необходимо чувствовать себя совершенством. Потому что позавчера ей исполнилось двадцать девять лет, и она ни разу не была замужем.

Надеясь отвлечься от тягостных мыслей, Таня потянулась за пультом от новенького музыкального центра, который сама себе подарила на день рождения.

«Включу радио, – загадала девушка. – И если попаду на какую-нибудь приятную музыку, то все будет хорошо...»

Она нажала на кнопку и услышала:

...лунные ночи серых дней короче.
Кто придумал их только для любви...

О нет! Только не это! Таню аж передернуло.

Вторая скрипка Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко – Таня Матюшина на дух не переносила так называемых ремиксов. Почему, скажите на милость, вместо того чтобы написать что-то новое, у нас так любят поиздеваться над известными произведениями? Или на свое таланта не хватает? Ладно еще, когда переводят какую-нибудь дрянь. Второсортной песенке без разницы, на каком языке звучать. Но ведь и классиков не жалеют! Добрались и до Эндрю Веббера, и до Джо Дассена... Или, вот как сейчас, до «АВВА». Кладут на чужую хорошую музыку собственные идиотские слова – и готов новый хит, а то и обрусевший мюзикл. И никто не замечает, что перепевка не просто хуже оригинала – она его уродует...

Поморщившись от досады, девушка выключила радио. Но изменить уже было ничего нельзя, гадание состоялось. И оно не сулило ничего оптимистичного. Даже сейчас, накануне первой в жизни зарубежной поездки.

В свой двухнедельный отпуск в Барселону Таня отправлялась по путевке, купленной мамой, – тоже подарок на день рождения.

– Ты будешь там самая красивая! – уверяла мама, помогая укладывать вещи в чемодан.

– Да уж... – фыркала в ответ дочь. – С таким-то лицом...

– Зато у тебя потрясающая фигура. Представляю, Танюшка, как ты выйдешь на пляж в своем сиреневом купальнике, все испанцы сойдут от тебя с ума!

– Там нет испанцев, мама. В Барселоне живут каталонцы.

– Ох, боже, а они-то кто? – изумлялась Элеонора Виссарионовна.

– Они независимая, автономная нация, – отвечала Таня. Беседа плавно переходила на геополитические темы, и девушка вздыхала с облегчением, потому что все эти разговоры про ее неземную красоту и стройную фигуру были как нож по сердцу. Между строк материн-

ских похвал читалось совсем другое: «Поторопись, тебе уже двадцать девять. Используй свой последний шанс, пока ты еще хоть кому-нибудь нужна!»

И дорожную путевку мама купила не для того, чтобы сделать дочке приятное, а чтобы поскорее пристроить свое невезучее сокровище. Все знают, что на курортах без романа не бывает. А вдруг роман перерастет в нечто большее? Наивную маму было жаль. Сама-то Таня прекрасно знала, что вернется ни с чем. Она уже давно признала себя неудачницей и, в отличие от своей родительницы, смирилась с этой мыслью.

На работе, в оркестре театра, Татьяна была второй скрипкой. Увы, это солидно звучит только для несведущих людей. На самом деле вторая – это не та, что сразу следом за лучшим скрипачом. Вторыми называются все скрипки в оркестре, кроме первой. Например, у них в театре насчитывалось всего двенадцать скрипок (это с запасными) – одна первая и одиннадцать вторых. И, честно признаться, если считать по мастерству, то Таня располагалась где-то в районе восьмой или девятой. Особого таланта у Татьяны Матюшиной не было. Только прилежание и любовь к музыке. Ну и еще консерваторское образование, которое давало ей некоторые права. Например, в компаниях морщить нос при слове «попса» и рассуждать о музыке с умным видом. А на работе иногда обронить: «Нас в консерватории учили...» Не все Танины коллеги могли похвастаться тем, что обучались в Москве, на Большой Никитской.

То, что Тане удалось поступить в лучший музыкальный вуз страны и закончить его, оказалось для всех полной неожиданностью. Ни среди знакомых, ни в семье никто и предполагать не мог, что девочка станет музыкантом. Впрочем, семьи как таковой особо и не было. Папа умер, когда Тане было всего тринадцать, маминых родителей уже давно не было на свете, а бабушка по папе принципиально не поддерживала отношения с невесткой – она была недовольна тем, что сын женился на приезжей, «лимитчице», как она презрительно называла Элеонору Виссарионовну.

Так что, по большому счету, Таниной судьбой интересовалась только ее мать. Мечтала, что дочка пойдет по ее стопам, окончит торговый техникум, а то и институт, и станет товароведом. Такие специалисты всегда востребованы, а значит, у Танюшки при любых обстоятельствах будет возможность заработать на кусок хлеба с маслом. Но судьба распорядилась иначе...

...Это были самые первые каникулы – целая неделя в ноябре. И хотя первоклассница Танечка Матюшина не успела устать от учебы за единственную в жизни четверть, она все равно, как все школьники на свете, радовалась предстоящему отдыху. Разве не здорово ложиться спать попозже и вставать, когда захочется, а не в семь утра? И посвящать дни напролет не урокам, а разным интересным вещам: гулять с подружками, сходить с папой в Кузьминский парк и, если повезет, даже съездить с родителями на ВДНХ. Увы, всем этим грандиозным планам не суждено было сбыться. Погода выдалась настолько отвратительная, что почти все каникулы Таня просидела дома перед телевизором.

Лишенная возможности гулять, Таня с самого утра забиралась с ногами в кресло, ставила на подлокотник большую пиалу с любимым арахисом в сахаре, заворачивалась в плед и глядела на экран. И покидала свое уютное гнездышко только для того, чтобы повернуть ручку и переключиться на другую программу.

За те каникулы девочка пересмотрела столько всего, сколько не видела за всю коротенькую жизнь. И про доброго Айболита, и про озорника Буратино, и при неутомимых выдумщиков Петрова и Васечкина... Самое сильное впечатление произвела, конечно, «Гостя из будущего», фильм, бывший для Таниного поколения самым что ни на есть культовым. Таня Матюшина даже хотела остричь косы и сделать прическу «как у Алисы», но мама решительно воспротивилась.

Однако больше всего Танюше запомнился эпизод из какого-то зарубежного фильма. Именно так: эпизод запомнился, а весь остальной фильм выветрился вместе с названием. Близнецы ее возраста – симпатичные белокурые мальчик и девочка – сидели за роялем и играли

в четыре руки необычайно красивую музыку. До этого дня Таня просто представить себе не могла, что бывает *такая* музыка и что ее могут играть дети.

Девочка была под столь сильным впечатлением, что после фильма даже выключила телевизор. Так и сидела до темноты в кресле, закрыв глаза, вновь и вновь представляя божественную мелодию и себя на месте близнецов.

На следующее утро картину повторяли. Обычно так делали только для взрослых, но тут повезло. Таня посмотрела весь нудный фильм, с первой минуты до последней, ради одного-единственного момента. Когда руки близняшек запорхали по клавишам, девочка отчего-то не выдержала и заплакала. Мелодия показалась ей еще красивее, чем вчера.

– Ты чего это, Танюшка? – отец с удивлением выглянул из-за газеты.

– Пап, а ты когда-нибудь слышал такую музыку? – спросила она почему-то шепотом.

– Слышал, конечно, это известная штука. Моцарт. Может, даже вспомню, что именно...

Кажется, Сороковая симфония. По радио часто передают.

По радио! Раньше девочка никогда к нему особенно не прислушивалась – ну, бубнит что-то в углу, и ладно. Теперь она заинтересовалась и каждый раз, когда звучала классика, делала звук погромче. Так она открыла для себя много чудесных мелодий, но Сороковая симфония Моцарта все равно осталась самой любимой.

В их семье никто всерьез не интересовался музыкой. Старенькое пианино, оставшееся от бабушки, использовалось, стыдно сказать, вместо комода. На закрытой лакированной крышке лежали кружевные салфетки, стояли разнокалиберные вазочки и бесконечные фарфоровые кошечки, которые Элеонора Виссарионовна коллекционировала чуть ли не с начальной школы. Трогать эти фигурки Тане никто не запрещал, но как-то само собой подразумевалось, что делать этого не стоит. Да она и не стремилась никогда.

Со второй четверти Таня категорически отказалась оставаться в группе продленки. Родители посоветовались и выдали ей ключ. Школа в двух шагах, дорогу не переходить, подъезд спокойный. Пусть ребенок чаще бывает дома. А она, открывая дверь, бежала к пианино, бережно снимала фарфоровый хлам и, замерев на мгновение, открывала крышку и нажимала желтоватую клавишу. Разбуженный инструмент неохотно отзывался жалобным, расстроенным звуком. Таня заносила над клавишами обе кисти и, не касаясь бело-черной волшебной поверхности, перебирала в воздухе тоненькими пальцами. А в голове ее звучала, переливалась музыка, чаще всего та самая Сороковая симфония. И казалось, что восхитительная мелодия на самом деле слышна в тишине большой комнаты, которая одновременно была столовой, гостиной и спальней родителей.

Время пролетало незаметно, и к приходу родителей кошечки с вазочками возвращались на свои места. Таня не хотела, чтобы кто-то знал ее маленькую тайну. Наверное, это было нелогично и даже глупо – мама с папой были бы только рады дочкиному увлечению. Они, возможно, сразу предложили бы водить ее в музыкальную школу, чего она страстно желала. Таня выучилась бы *так* играть, к старенькому пианино вызвали бы настройщика, и оно не звучало бы больше жалобно и протяжно.

И еще много всяких «бы», обещавших исполнение самой заветной мечты. Но Таня продолжала открывать инструмент, когда родителей не было дома. Признаться, чем она занимается, казалось слишком неудобным, даже постыдным.

А в конце декабря она разбила кошку. Это случилось в последний день второй четверти. Им выдали ведомости с отметками, новогодние подарки и отпустили домой пораньше – после третьего урока. Ах, как она в тот день «играла»! Как любила Моцарта и ненавидела предстоящие каникулы, на которые мама взяла отпуск, чтобы «побыть с ребенком».

До прихода мамы оставалось десять минут, а Таня все никак не могла заставить себя оторваться от инструмента. Она закрыла крышку пианино лишь без двух минут шесть и привычно начала водворять безделушки на место. Ей оставалось расставить три фигурки, когда в замке

заворочался ключ. Таня вздрогнула, и мамина любимая кошка-солонка, привезенная из Риги, где родители провели медовый месяц, упала на пол и разбилась.

Это было ужасно. Танечка настолько испугалась, что не могла и слова сказать, когда мать появилась в дверях гостиной. Но Элеонора Виссарионовна пребывала в тот вечер в хорошем настроении из-за грядущих праздников и только что полученной тринадцатой зарплатой. Она не стала ругать дочку, только поинтересовалась, зачем вдруг той понадобилось играть около комода, когда у нее есть своя комната.

Она так и сказала: «около комода».

И тут вдруг в душе маленькой Тани поднялось что-то такое...

– Мама, – заявила она, – это не комод, это пианино. Оно сломано. Его нужно починить, а это все с него убрать.

И мама неожиданно послушалась.

В третьей четверти Танюшку отвели в ближайшую музыкальную школу. Но класс будущих пианистов был уже укомплектован. А вот у преподавателя скрипки нашлось «окно».

– У вашей девочки такие пальцы, что ей просто необходимо заниматься скрипкой, – убеждал он папу. – Тем более если она у вас так любит музыку.

– Что скажешь, дочка? – обратился к ней отец.

Таня вздохнула. Скрипка не слишком привлекала ее, хотелось научиться играть именно на пианино... Но девочка поняла, что сейчас ей предстоит сделать первый в ее жизни серьезный выбор: или музыка в комплекте со скрипкой, или всю жизнь без музыки. И она выбрала первое. Только спросила:

– А на скрипке можно сыграть Сороковую симфонию Моцарта?

– Все можно сыграть на всем, – авторитетно заявил скрипичный педагог, – даже «Аве Мария» на барабане. Было бы желание.

В дальнейшем Таня много раз с улыбкой вспоминала эти слова...

Девочка добросовестно ходила в музыкальную школу и училась пикировать на своей «восьмушке» – крошечной скрипочке для начинающих скрипачей. И дома занималась сама, прилежно и без понуканий. Скрипку она не слишком любила, но, если уместно так выразиться, уважала и всегда относилась к ней очень бережно, точно та была одушевленным существом. Шло время, девочка росла, «восьмушку» сменила «четвертушка», затем «половинка». А потом исполнилась Танина заветная мечта. Папа разыскал старого мастера, который все-таки сумел вернуть жизнь ее любимому пианино. Все остальные отказывались, а этот справился, хоть и потратил кучу времени и сил. Это стало для Танюшки настоящим праздником. Она сама выучилась играть на фортепиано, это было нетрудно после тех уроков, которые давали в музыкальной школе.

В папин день рождения она торжественно сыграла для гостей Сороковую симфонию Моцарта. А через несколько месяцев папа умер от сердечного приступа.

Девочка переживала из-за смерти отца, но продолжала жить – ходить в обычную и музыкальную школы, читать любимые книги, болтать по телефону с подружками. А вот Элеонору Виссарионовну точно подменили. Она не плакала даже на похоронах, но выглядела совершенно отсутствующей, потерянной, двигалась как автомат, ни на что не реагировала и часто даже не слышала, когда к ней обращались. Дочь очень тревожилась за нее. Однажды вечером мама вдруг очнулась от своего странного состояния и слабым голосом попросила:

– Танюша, сыграй.

Таня хотела подойти к пианино, но передумала, достала со шкафа чехол, вынула инструмент и заиграла Грига. Почему-то именно он показался ей наиболее подходящим в этот момент. Мама слушала, а потом вдруг разрыдалась, впервые с того дня, как получила страшное известие. Девочка испугалась, прервала игру, кинулась было к ней, но Элеонора остановила ее:

– Нет-нет, пожалуйста, не останавливайся! Играй еще!

И Таня играла. Играла Вивальди и Брамса, Чайковского и Балакирева, Бетховена и Мас-сне, Глюка и Паганини – все, что умела. Играла до глубокой ночи, пока соседи по «хрущобе» не постучали в стену.

В тот вечер Таня полюбила скрипку.

В старших классах она уже не представляла себе никакой другой жизни, никакой другой профессии. Учителя в музыкалке хвалили ее за прилежание и старательность и говорили Элеоноре Виссарионовне, что хотя великого таланта у ее дочки нет, но она берет усердием и может добиться успеха. Маме хотелось в это верить, и Таня старалась ее не разочаровывать. Она ежедневно занималась музыкой, а оставшееся время корпела над уроками, заданными в обычной школе. При таком ритме жизни ей совершенно некогда было гулять с подругами, ходить на дискотеки или знакомиться с мальчиками. Да это Тане и не было нужно. С одной стороны, в подростковом возрасте она сделалась очень застенчива и, как это нередко случается, считала себя абсолютно некрасивой. С другой – Таня Матюшина и сама не рвалась в компанию сверстников. Тусовки ее не привлекали, музыка, которую слушали ровесники, приводила в ужас, а мальчишки-одноклассники казались ограниченными и примитивными. При этом девушка была весьма романтической натурой, постоянно мечтала и часто влюблялась, но объектами ее грез обычно становились совсем уж недостижимые мужчины – какой-нибудь неизвестный красавец, случайно на миг встреченный в автобусе, взрослый сосед из дома напротив, с которым она даже не была знакома, киноактер, а то и персонаж фильма или книги. Читать, особенно о любви, Таня просто обожала. Записывалась во все библиотеки, брала книги у одноклассниц и маминых подруг и тратила чуть не все карманные деньги на толстые тома классической литературы и тонкие пакеты бульварных романов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.